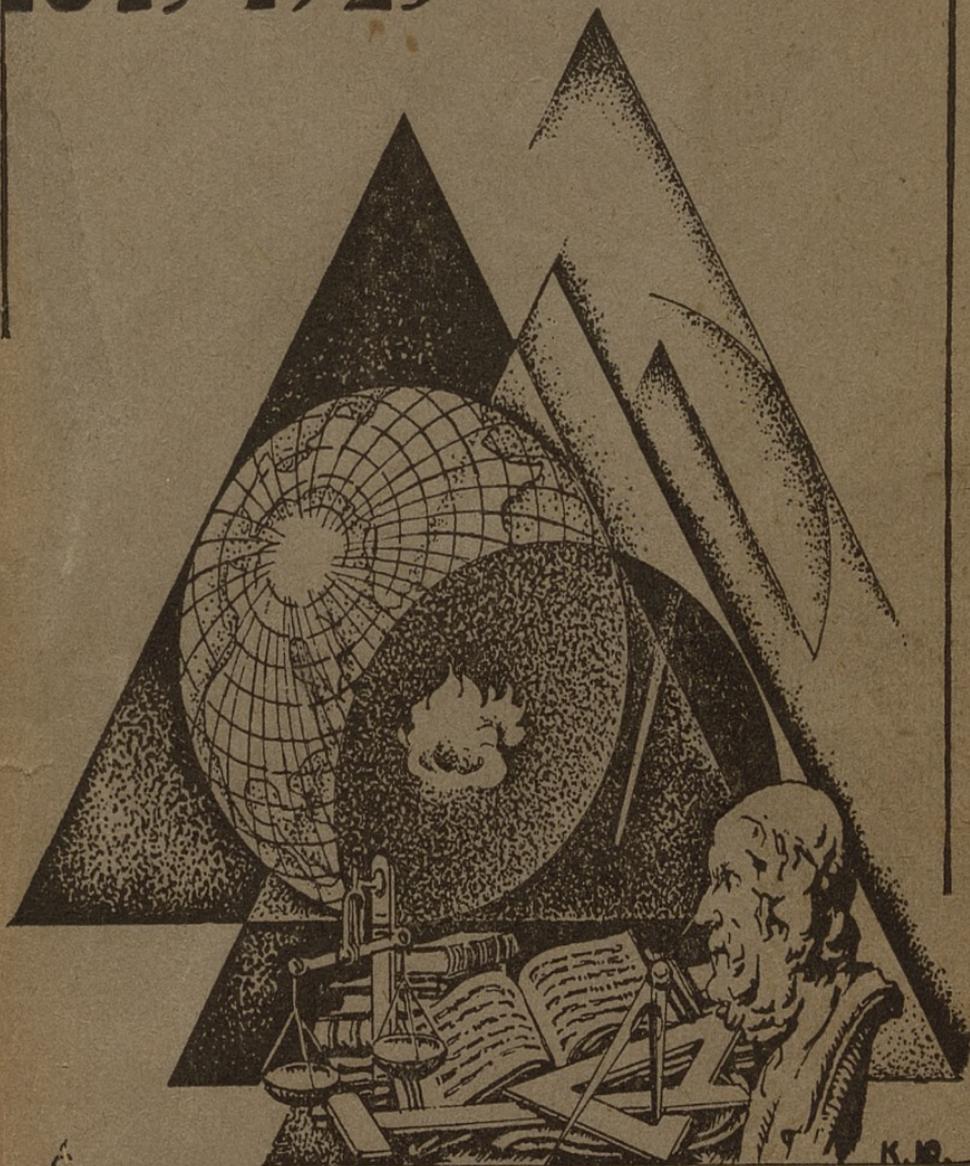

1873-1923

В. ВРЮСОВУ

1873—1923.

ВАЛЕРИЮ
БРЮСОВУ

Сборник, посвященный 50-тилетию
со дня рождения поэта,

под редакцией
профессора П. С. КОГАНА.

МОСКВА

— 1924 —

Издание КУБС'А В. Л. Х. И., имени Валерия Брюсова.

Biblioteka Jagiellońska

1002826929

Обложка работы художника К. Ф. ЮОНА,
фото-портрет худ-ка И. А. БОХАНОВА, марка
работы ст-та В. Л. Х. И. тов. СЕЛЕЗНЕВА.

Отпечатано в типогр. „Пролетарий
у Руля“ (ПУР) Красн. пл., 2-й дом
Р. В. С. Р.

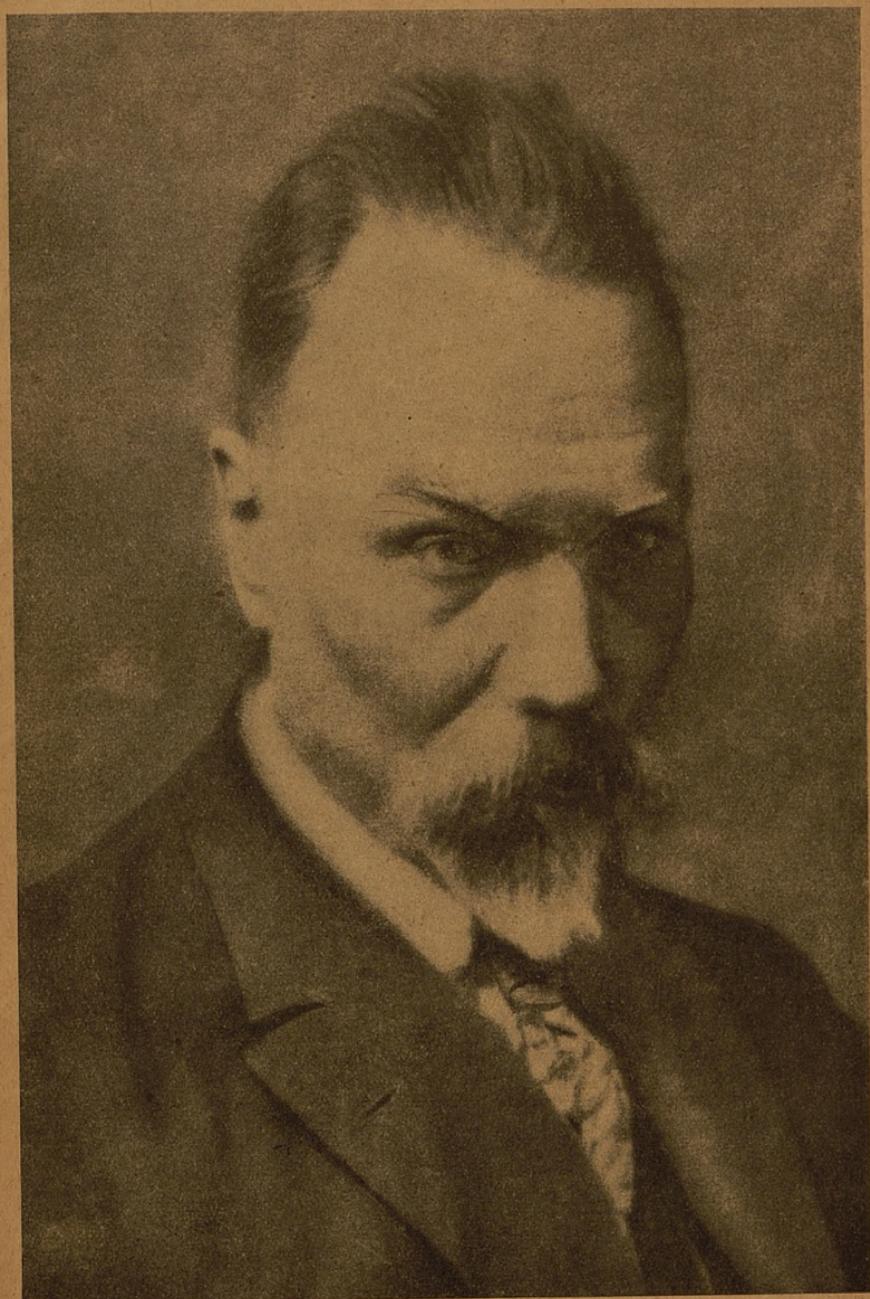
Главлит № 23.600. Тираж 2.000.

B 8183 89

III

Z.N.
9BC

В. Я. БРЮСОВ.

Фото-портрет работы худ-ка Н. А. Боханова.

С глубокой скорбью редакция вносит эту последнюю печальную страницу в уже готовый к выпуску сборник.

9 октября 1924 г. в 10 час. утра В. Я. Брюсов скончался от крупозного воспаления легких, после двухнедельной тяжкой болезни.

Никто не ожидал, что этот юбилейный сборник будет вместе с тем и первым итогом жизненного пути поэта, ученого и общественного деятеля.

Редакция склоняется перед прахом В. Я. Брюсова. У могилы—не время для спокойного анализа. Другие исследовательские работы в будущем лучше почтут память Валерия Брюсова, которая еще долго будет возрождаться в его поэтических и научных творениях.

9/X—1924 г.

г. Москва.

Настоящий сборник составился из докладов и речей, произнесенных в дни чествования В. Я. Брюсова, по случаю 50-летия со дня его рождения, в Российской Академии Художественных наук, в Академическом Большом театре и в Высшем Литературно-Художественном Институте, а также из стихотворений, посвященных В. Я. Брюсову, и некоторых библиографических и справочных сведений. Ни в какой мере этот сборник не претендует адекватно охватить все стороны творчества и личности В. Я. Брюсова: полная оценка деятельности В. Я. Брюсова предстоит будущему. Редакционная коллегия юбилейного комитета ставила себе скромную задачу: дать историко-литературную памятку о В. Я. Брюсове будущим последователям и сообщить широким кругам граждан С.С.С.Р. основные сведения о их поэте.

Москва.

10—VII—1924 г.

Трава весенняя допела
Свою чшвѣру зеленѣ. Зной
Спала сна мая, и Капелька
Кропит июньской белушкой.
Вот ноги полнотѣ, полдень года,
Вот вечер чшвѣти, но, во мгле,
Вот утро, чшвѣтлый лугъ восхода,
Ме к вишине, и по земле!
Зари, еще не возвещенной,
Вино пѣлю, и я, взамен,
Готов, заранеѣ прощении,
Для всех безумств, для всех измен.
Пусть вечер! он же полдень. Где-то
Цветам прочувствѣ, их плечахъ питѣ,
И степли збих-то рукъ воздеи,
Чтоб вечный полнотѣ торопитѣ.
Пусть августъ будет. Плодъ молитѣи
Спадетъ в корзину, мертвъ и жив.
За десятъ летъ промшеютъ плиты,
Медавний гробъ не обмачив.
Мо мѣтле ногѣ. Кротка Капелька,
Кропя июньской белушкой;
Трава сна зеленѣи допела,
И вчсду — только цветъ и зной!

1924.

Валерій Брюсовъ

Автографъ В. Я. Брюсова.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ.

Краткая автобиография.

Родился я 1-го декабря (ст. ст.) 1873 г. в Москве. Дед по отцу был крепостным крестьянином Костромской губернии. Отец родился (в 1848 г.) тоже крепостным. Позднее, дед получил „волю“ и занялся торговлей, был купцом и довольно успешно. Отец этих способностей не унаследовал, принужден был по смерти деда торговлю бросить и перейти в сословие мещан. Дед по матери, А. Я. Бакулин, был лебедянский мещанин; будучи самоучкой, он увлекся литературой, писал и отчасти печатал стихи (особенно басни) и рассказы.

В 60-х годах мой отец, раньше учившийся только грамоте у дьячка, поддался общему движению и деятельно занялся самообразованием; одно время был вольнослушателем Петровской Академии. В те же годы отец сблизился с кружками тогдашних революционеров, идеям которых оставался верен до конца жизни. Между прочим, в 70-х годах, отец был близок с Н. А. Морозовым, будущим шлиссельбуржцем, образ которого я помню из дней моего раннего детства. Над столом отца постоянно висели портреты Чернышевского и Писарева. Я был воспитан, так сказать, „с пеленок“ в принципах материализма и атеизма.

Учился я сначала в частных гимназиях Москвы (ибо то были годы, при жизни деда, наибольшего благосостояния нашей семьи), потом в Московском Университете, курс которого по Историческому Отделению Историко-Филологического Факультета окончил в 1899 г. Из профессоров с благодарностью вспоминаю Ф. Е. Корша, с которым остался знаком и позже. Больше знаний, однако, чем в школе, я почерпнул из самостоятельного чтения. Выучившись читать еще 3-х лет от роду, я с тех пор непрерывно поглощал книги. Еще до поступления в гимназию я прочитал их огромное количество как чисто-литературных, так и научных; особенно интересовался естественными науками и астрономией. В гимназии всего более увлекался

математическими науками,—пристрастие, сохранившееся у меня и поныне. В университете много занимался историей философии.

Писать я начал тоже очень рано, еще ребенком, сочиняя (еще „печатными буквами“) стихи, рассказы и „научные“ статьи. Впервые напечатаны мои строки (какая-то статейка по вопросам спорта) еще в 80-х годах; стихи—в начале 90-х годов. Более регулярно стал я печатать свои произведения после 1894 г., когда появилось первое маленькое собрание моих стихов. После того ежегодно я выпускал не менее, как по книге, иногда по две, по три в год, так что к настоящему времени всех книг, появившихся с моим именем, насчитывается (считая переиздания) около 80 или даже более (некоторые не попали в печатные списки, и я их не припомню). Среди этих книг—сборники стихов, сборники рассказов, драмы, романы, научные исследования, собрания статей и длинный ряд переводов в стихах и прозе.

Написано мною гораздо больше, нежели собрано в книгах. С конца 90-х годов я стал сотрудничать в разных журналах и газетах. За 25 лет я состоял сотрудником большинства выходивших за этот период повременных изданий, в том числе сборников и альманахов. В этих изданиях напечатано мною бесчисленное число статей, заметок, рецензий (за моей подписью, под псевдонимами и вовсе без подписи), собирать которые в книги я считал совершенно излишним. Там же есть не малое количество стихов, рассказов и драматических сцен, также не включенных в отдельные издания. Пожалуй, еще большее количество написанного мною остается в рукописях. Там есть и законченные крупные произведения (поэмы, романы, драмы), доделать которые я как-то не удосужился, и разные научные исследования, которые долгими годами ждут своего довершения, и стихи, по разным причинам не напечатанные, и, конечно, всевозможные начала и наброски, в стихах и в прозе.

Неоднократно я принимал участие в редактировании разных журналов или как единоличный редактор, или как редактор отдела. Особенно близко я участвовал в редакции „Нового Пути“, „Весов“, „Русской Мысли“. Мои драмы и мои переводы драматических произведений много раз ставились на сценах, в Москве, в Ленинграде, в провинции. В 900-х и 910-х годах я состоял членом большинства московских литературных организаций. В некоторых из них занимал выборные должности пред-

седателя; особенно близко я стоял к М. Литературно-Художественному Кружку и к Обществу Свободной Эстетики. Много раз я выступал как лектор с публичными лекциями. Виделся я с большинством выдающихся людей моего времени и с особой любовью вспоминаю дружбу, которой меня удостоивал Э. Верхарн.

Произведения мои вызвали интерес за-границей. Очень многие переведены на большинство европейских языков и на некоторые вне-европейские. В отдельных изданиях мои сочинения имеются, сколько я знаю, на языках немецком (много), французском, английском, итальянском, латышском, армянском, польском и др.; в журналах—на языках шведском, голландском, ряде славянских, ново-греческом, японском и др. Оба мои романа, два сборника рассказов и одна драма имеются по-немецки, как отдельные издания.

Несколько раз я совершал поездки по западной Европе и по России. Бывал неоднократно во Франции, в Бельгии, в Италии, в Германии, в Швеции, в Голландии, в Испании; был на Волге, в Крыму и на Кавказе, где доезжал до Эчмиадзина. В годы империалистической войны я был на фронте корреспондентом от газеты „Русские Ведомости“; одному из первых мне удалось, с товарищем, проехать в освобожденный Пшемысль. После занятия немцами Варшавы я вернулся в Москву, глубоко разочарованный войной, что тогда же и выразил в стихотворении, напечатанном в „Новой Жизни“ М. Горького.

После Октябрьской революции я еще в конце 1917 г. начал работать с Советским правительством, что повлекло на меня тогда некоторое гонение со стороны моих прежних товарищей (исключения из членов литературных обществ и т. под.). С того времени работал преимущественно в разных отделах Наркомпроса. Был заведующим М. Книжной Палаты, Отдела Научных Библиотек, Отдела Лито НКП, Охобра (Отдел Художественного Образования) Главпрофобра и др. Работал также в Гос. Издате, в Фото-Кино Отделе, одно время в Наркомземе и др.; с 1921 г. состою профессором 1-го М. Гос. Университета (раньше, в 1915-17 г. читал лекции в б. „вольном“ Университете имени Шанявского). С 1921 г. состою также ректором (и профессором) Высшего Литературно-Художественного Института.

Валерий Брюсов.

ДОКЛАДЫ, РЕЧИ и СТИХИ,

произнесенные в дни чествования В. Я. Брюсова.

А. В. Луначарский.

Вступительное слово в Российской
Академии Художественных Наук.

Товарищи и граждане, завтра предстоит общественное публичное чествование Валерия Яковлевича, к которому присоединяется всей душой и Советское Правительство и, в частности, Народный Комиссариат по Просвещению, и я лично буду иметь случай с посильно охватывающей многогранную фигуру Валерия Яковлевича характеристикой выступить тогда. Сегодня я не думаю затруднять вас никаким вводным словом и хотел бы только отметить, что заслуги Валерия Яковлевича в прошлом выигрывают колоссально в наших глазах от той роли, которую он сыграл в последние годы после революции для, быть может, настоящего подлинного понимания взаимоотношений отдельных элементов. Его выдающаяся поэзия становится на свое место прочувствованной полностью лишь под углом зрения социального, политического и культурного развития этой высоко знаменательной для нашего времени личности. Валерий Яковлевич несомненно не только вписал свое имя крупными буквами в историю русской литературы, но и каждому из нас помогал постичь бесконечно изображаемые им ценности. Если в настоящее время еще не все понимают эти ценности, то это значит, что не пришло такое время, когда они будут понятны. Не даром Валерий Яковлевич писал, будучи еще очень молодым, в своих статьях, что он посвящает свои труды даже не будущему поколению, а вечности и искусству. А в другом месте, в беседе с некоторыми большими художниками, повторил, что от всех эпох вполне прочно остаются только произведения искусства этой эпохи.

И действительно, перед лицом всего дальнейшего развития человеческой культуры в целом, эпоха, в которой жил и работал Валерий Яковлевич, к которой относятся его главные произведения, оказалась, несмотря на всю мутность, которая возбуждала мрак в сердцах многих, все-таки такой, которая увенчала себя неувядаемой красотой, и больше всего именно руками

художников писателей, именно творчеством Валерия Яковлевича Брюсова.

И, кроме того, мы видим его к счастью среди нас в полноте сил и расцвета и посреди талантливой художественной, научной и ученой работы и можем ждать от тех долгих лет, которые ему предстоят, еще новых фаз в развитии его замечательного творчества, которые не только выявят его старые видимые и тайные фазы, но, может-быть, окажутся еще более превосходными. Пожелаем от всей души Валерию Яковлевичу дальнейшей работы, уже теперь, на фоне той государственности и общественности, к которой он от всей души вскоре после переворота примкнул. Я прошу присоединиться всех присутствующих к моим аплодисментам по адресу одного из крупнейших писателей современности и одного из крупнейших поэтов русской литературы—Валерия Яковлевича Брюсова.

П. Н. Сакулин.

КЛАССИК СИМВОЛИЗМА

доклад в Российской Академии Художественных Наук.

Мы, сверстники Валерия Яковлевича, хорошо помним поэта Брюсова в роли строгого метра символической школы, которая с самого начала блистала прекрасными дарованиями. А. Белый, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Федор Соллогуб... Все это—большие и яркие индивидуальности. Брюсов был среди них одним из самых своеобразных. И тогда уже читатели и критики пробовали разгадать тайну, которая скрывается за холодным обликом поэта.

Именно холодным, даже сурово недоступным казался нам Валерий Брюсов. Мы так привыкли, что поэт-лирик обращается к сердцу читателей, пленяет нас магией слова, волнуя, как „своенравный чародей“. В жажде лирических эмоций, мы, пожалуй, без борьбы готовы были отдаться во власть поэта, раствориться в мире его поэтических видений. „Поэт—какое это нежное имя!“ говорил нам Бальмонт. Такой „нежности“ в Брюсове не было. Его мужественная муза держала читателя на известном расстоянии от себя. Но какие-то могучие токи преодолевали это расстояние и доходили до нас, радуя и волнуя.

Символисты составляли единую поэтическую школу, может быть, еще недостаточно оцененную историками литературы. Каковы бы ни были социальные корни русского символизма, его литературное значение необыкновенно велико. Слишком долго русская поэзия стлалась по земле: символисты взметнули ее ввысь, чтоб дальше видеть и чтоб показать всю необъятность сил, какие потенциально заключены в самом существе поэзии. Поэзия, как весть о мирах иных, как пророческие символы, как святое волшебство, как таинственная теургия—вот символизм. Поэты грезят о преображении людей и зовут их на встречу солнцу, на встречу занимающейся заре: их сердце также билось предчувствием зорь грядущих, как и сердце тех, кто в те же предзвездные дни готовил народ к борьбе за социальную правду.

Единство поэтического стиля не исключает многообразия

индивидуальностей. Брюсов показал нам особую грань русского символизма: он был классиком символизма. Классическая стихия— твердое ядро его поэзии, а символизм—многослойная оболочка, красивая в своих радужных переливах.

Русский классицизм не умер с Сумароковым и Державиным. Раз войдя в культурное и поэтическое сознание России, классическая стихия продолжает жить до наших дней, известным образом эволюционируя и вступая в разнообразные сочетания с другими стихиями нашей литературы. В трех лицах существует у нас классицизм: первый лик—ортодоксальный классицизм во французской его стилизации, второй—аполлоновский лик, каким видим его в творчестве Пушкина, Ап. Майкова и других, третий—символический лик, каким выступил он в поэзии Вяч. Иванова и Вал. Брюсова.

По природе своей символизм романтичен. А романтизм и классицизм противостоят друг другу, как две полярности: на одной стороне—ирреализм, фантастика, музыка; на другой—реализм, трезвое мироощущение, пластика. Тем не менее в процессе поэтической жизни классицизм не раз входил в сочетание с романтикой. Поэзия Брюсова—один из ярких примеров этого.

Многоотзывная душа поэта открыта всем перекрестным впечатлениям.

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

.....
И странно полюбил я мглу противоречий,
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

В предисловии к „Tertia Vigilia“, откуда взяты эти стихи, В. Я. Брюсов писал: „Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо обособленных взглядов на поэзию. Я равно люблю и верные отражения зримой природы у Пушкина и Майкова, и порывание выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем, Некрасова. Я

называю все эти создания одним именем поэзии, ибо конечная цель искусства—выразить полноту души художника. Я полагаю, что задачи „нового искусства“, для объяснения которого построено столько теорий—даровать творчеству полную свободу... Кумир красоты столь же бездушен, как кумир пользы».

Необычайно велика амплитуда поэтического созерцания Брюсова. Широко образованный эрудит, он знал многих богов, но наиболее чтит бессмертных богов классической древности. Классическая культура—основа культуры общеевропейской, и Валерий Яковлевич утвердился на крепком граните этой подпочвы.

Брюсов прошел хорошую классическую школу и является превосходным знатоком античности (по истории литературы, искусства). В этом отношении его соперником может быть только Вячеслав Иванов.

Свои сборники Вал. Брюсов любил выпускать под латинскими и греческими заглавиями: *Me eum esse, Tertia Vigilia, Urbi et Orbi, Stephanos, Juvenilia*. Сюда же можно отнести—„Девятую камену“. Тематика брюсовских произведений нередко уводит нас в глубь античных эпох. Хотя его „любимцы веков“ живут в разных концах земного шара, но среди них также—Рея Сильвия, Протезилай, пифагорейцы и пр. Сюжет двухтомного романа „Алтарь победы“ взят из римской жизни Брюсов воскрешает классический жанр оды („Избранные“).

Каждому своему образу Брюсов придает пластическую выразительность, скульптурность. Как истинный классик, он—художник зрения. А. Белый метко назвал его поэтом мрамора и бронзы. Юношеское стихотворение Брюсова „Жрец“ имеет подзаголовок: „бронзовая статуэтка“, а другое, также юношеское произведение—„Прокаженный“ определяется как „рисунок тушью“. Даже символическим образам наш поэт придает живописную, пластическую и архитектурную четкость.

В сборнике „Третья стража“ есть кошмарное стихотворение „Глаза“. Вычерчена точная, почти географическая карта таинственно мерцающих озер: вот—озеро, его выступы, среди них проклятый выступ, узкая коса... Обстоятельно описаны странные глаза: их цвет зеленый, но светлей воды, и, исчезая, они вспыхивают вдруг бесцветным блеском, как простая бляха.

Стихотворение „В неоконченном здании“ разворачивает перед нами символическое „прозрение“ поэта. В основе—архи-

тектурный образ. Упорные думы знают, но лишь забыли какой то чертеж, ибо

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

Именно — „разумно расчисленной“. Поэт любит меру, число, чертеж.

Когда-то Пушкин прекрасно выразил свой классический вкус в стихах о Петербурге: „Люблю тебя, Петра творенье, твой строгий, стройный вид“ и т. д. И Брюсов признается („В стенах“):

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.

«Я всегда любил непобедимую логику математики», говорит он в автобиографии.

«По характеру своей поэтики Брюсов не классик, а романтик», доказывал недавно проф. В. М. Жирмунский („Валерий Брюсов и наследие Пушкина“). А между тем в лексике Брюсова и в других особенностях его поэтического стиля классических черт окажется, пожалуй, больше, чем романтических. Этот вывод подтверждают такие принадлежности классического стиля, как архаизмы и славянизмы, как любовь к перифразам, свойственная вообще классикам и, в частности, французским поэтам XVII—XVIII веков, как пристрастие к отвлеченным словам и выражениям. Названный исследователь подчеркивает, что у Брюсова „выбором словуправляет не тонкая смысловая дифференциация их вещественно-логического значения, а стремление создать словесное построение, подчиненное одинаковой эмоциональной выразительности“, что выбор и соединение слов определяется у него „господством звуковой стихии (ритма, рифмы, словесной инструментовки), лирическими повторениями, сгущающими эмоциональную напряженность впечатления намеренной яркостью образов и силой контрастов“. Пусть все это так. Не забудем, что, по признанию самого Брюсова, он очень часто допускал нарочитую искусственность и затемнение стиля. Но в основном отмеченные приемы это—черты, широко распространенные у поэтов разных школ. Кто же из поэтов не пользуется звуковой стихией, подчиняя

ей и выбор и соединение слов? Кто из них не стремится к эмоциональной выразительности и яркости образов, прибегая при этом и к приему контрастов? О музыкальной выразительности думали уже формальные „классики“—Жомоносов с Державиным. Есть она, конечно, и у Брюсова (на его слова написано немало романсов). Но преувеличением было бы сказать, что музыкальная стихия искажает у него логическое построение речи, что „зрительная отчетливость образов“ и „тонкая дифференциация в выборе и употреблении слов“ „уступает место напевности, неясному чередованию музыкально-действенных образов, возбуждающих смутное лирическое настроение и волнующих эмоциональную впечатлительность слушателя“. Брюсов—не Бальмонт, не Белый и не Блок. В его стихах нет переливчатой игры звуков и музыкальной напевности. Его сила не в музыке слова, а в „чеканности отточенных слов“ („Пределы“) в „повышенной яркости образов“, в „рассудочной сдержанности“, в тяжелой торжественности ритмических ходов. Брюсов—ковач и ваятель. Он кует свое крепкое слово; как скульптор ваяет он образ. Он—художник зрения, а не слуха. Речь не разливается у него весенним потоком, шумящим, как вольная музыка, а замыкается в гранитные берега, потому что—

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.

Если бесспорно, что все символисты выводили лирическую поэзию „из духа музыки“, то к Брюсову это применимо лишь теоретически, да и то стоит сравнить сборник Брюсова „О искусстве“ (1899) со статьями о символизме А. Белого или Вяч. Иванова или с книжечкой Бальмонта „Поэзия, как волшебство“. Трезвость мысли и даже рассудочность никогда не покидают Брюсова. В самом экстазе не теряет он самообладания.

Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва.
Пускай желанья сладострастны,—
Покорно холодны слова!
.....
Как царство белого снега,
Моя душа холодна...

Самое классическую стихию воспринял Брюсов не в стиле дионисийского оргиизма, как у Вяч. Иванова, а в стиле аполлоновской мраморности.

Как Вяч. Иванов, так и В. Я. Брюсов свой „классицизм“ сочетал с особым влечением к Пушкину, этому классику в глубочайшем значении слова. Хотя, как справедливо заметил В. М. Жирмунский (а ранее—Эллис), Брюсова и нельзя назвать поэтом пушкинской школы. Может быть, к тому же источнику восходит и исключительный интерес Брюсова к творчеству романских народов, в частности к французской поэзии. Давно замечено, что французские писатели и в романтике и в символизме умели оставаться классиками (ср., например, „Le réalisme du romantisme“ par Georges Pelissier). Такова их национальная черта.

Мирозерцание Брюсова—более реально-классическое, чем символично-романтическое. Подлинный символизм (как и романтизм)—мистичен. Валерий Яковлевич много занимался философией и занимался ею по-ученому: штудировал Канта, Шопенгауэра, Спинозу; разочаровавшись в последнем, принялся за Лейбница. В статье „Ключи тайн“ и Брюсов говорит о „сверхчувственной интуиции“. Но я не знаю, в какой мере захватила его философия символизма. Думаю, мало. Брюсов—не мистик, а интеллектуалист. Не даром вторая его симпатия—математика, и он всегда любил ее „непобедимую логику“. Поэт даже колебался в выборе факультета между математическим и филологическим.

В поэзии Брюсов выступает с психологией интеллектуалиста и волюнтариста.

Чуждый нежности, он чувствует в себе душу первобытного скифа или сурового викинга. Это его—„отдаленные предки“, и ему так легко перевоплотиться, сбросив с себя личину цивилизации.

Словно с детства я к битвам приучен!

Все в раздолье степей мне родное!

.....

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,

Чтобы не были тяжки гранитные, косные стены.

Когда уплывает корабль среди шума и воя,

И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены.

Брюсов—поэт великих страстей и железной воли. Не одной только чувственной страсти, но и тех страстей, какими бывают одержимы герои человечества, герои трагедий, эпосов и од. Любовно созерцает он монументальные фигуры „любимцев веков“, от Ассаргадона до Наполеона. Его воображению рисуются грандиозные события, роковые катаклизмы, бывшие

или возможные в неопределенном будущем, вплоть до гибели всей нашей культуры.

Брюсов—всегда на мировой сцене и шествует по ней торжественно - тяжелой поступью. Он—поэт героического, трагического пафоса. Его взор чаще устремлен к земным, нежели к космическим далям. Он пел о себе и о своих товарищах.

В мире широком, в море шумящем
Мы—гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.
Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,—
Мы—гребень встающей волны.

С вышины открывались необозримые дали жизни, и поэт еще накануне XX века высказал уверенность:

И все, что нас гнетет, снесет и свеет время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.
.....
Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я—узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, простор! о, высота степей!

Тревожные мотивы современности очень часто звучат у Брюсова в предреволюционный период („Земля“, „Грядущие гунны“ и т. п.). На призвание поэта смотрит он глазами Лермонтова („Кинжал“ с эпитафией из Лермонтова).

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.
Когда не видел я ни дерзости ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

.....
Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись заветные знамена,

Я—отзыв вам кричу, я—песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

И снова я с людьми,—затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

Судьба наградила нашего поэта счастьем видеть освобождение, слышать радостный детей свободных крик и переживать вместе с ними „восторг великой воли“.

„В стозарном зареве пожара“ Брюсов стал бардом революции. Классик и реалист, он познал времена и числа; давно уже держал он в своих руках чертеж недостроенного здания. Сознывая историческую неизбежность катастрофы, давно он готовил „приветственным гимном“ встретить „грядущих гуннов“, тех, кто его „уничтожит“, потому что они—„во всем неповинны, как дети“ (1905). И вот пришли не гунны, а строители, пришли, „ломая, строить новый Капитолий, класть цоколи стен, взмеченных в века“. Поэт приветствует их кликами радости и братским словом участия. Героический пафос нашел теперь конкретное воплощение в пафосе революционном. Снова сверкнул стальной клинок поэзии, давно отточенный и закаленный в грезах пламенеющего символизма.

Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы взлет огня,
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметай меня!

воскликает поэт „в такие дни“. Вспомнился и прежний образ встающей волны („Под гулы и взрывы“, „Вещий ужас“).

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно взволнована,
Взносит свой гребень встающая к звездам волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

Мы—человечества всплеск, мы—поэты,
В огне веков, как можем не гореть?
Пусть гимны ночи в Атлантиде петь,—
Нам страсти вещий ужас—вечно петь.

С прошлым покончен расчет. Добрым словом помянет Брюсов своих друзей—романтиков и навсегда простится с ними („Романтикам“).

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.
Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле,
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего—луч, вас манивший во мгле.

Новое дело требует новых людей. „Наш век с веками в бой вступил“. „Нам нужен--воин, кормчий, страж“. И поэт-трибун,—прибавим мы.

Обращаясь к „товарищам интеллигентам“ то с упреком, то с призывом Брюсов приглашает упиваться „бурей грозно-страшной“, в то время, как Блок приглашал интеллигенцию слушать „музыку революции“.

Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность.
Нам слышны громы; то—вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

Брюсову не трудно было овладеть ритмом и мотивами революции. Его „метаморфоза“—органическое развитие прежних начал. Поэт не изменил своей сущности. Новая оболочка охватывает то же твердое ядро.

Являй смелей, являй победней,
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней
Будь мрамором и медью будь,—

говорит о себе современный Брюсов. Его основная природа сохранилась неизменной; ее не выжгло огнем революции. И „в такие дни“ ему слышатся „шаги Афродиты“, помнит он „заклятье Эроса“, попрежнему любит легенды веков, сказанья о Елене и Парисе, об Одиссее и Калипсо, о Цезаре и Клеопатре, о феаках и пифагорейцах; попрежнему творит символы, ибо они вечно присущи поэзии. Строгие судьи шлют ему упреки за „контрреволюцию формы“ (Б. И. Арватов). Но несправедливо: честно эволюционировать поэт может лишь в пределах своей природы, без отказа от своей творческой индивидуальности.

В поэзии Брюсова попрежнему века прошедшие пере-
кликаются с веками грядущими. Русскую революцию вставил
он в золотую раму всемирных событий. Оттого метр и классик
символизма остается поэтом и нашей мятежной эпохи.

Судьба сберегла нам поэта, чтоб красиво замкнулся круг
его творчества. «Одно лишь знаю», говорит он в раздумьи
о своей жизни:

. дальше к свету я
Пойду, громам неожиданным рад,
Ловя все миги и не сетуя—
Отцветший час бросать назад.

М. А. Цявловский.
БРЮСОВ-ПУШКИНИСТ.

Доклад в Российской Академии Художественных Наук.

Среди русских писателей, художников слова есть ряд имен, связанных с пушкиноведением. Чувство благоговейного уважения к великому поэту заставляло их выступать в роли критиков и истолкователей Пушкина. Первым по времени художником слова, вписавшим свое имя в историю изучения Пушкина, надо считать Тургенева, в 1878 году опубликовавшего письма поэта к жене, — этот драгоценнейший биографический материал. В 1880 г., при открытии в Москве памятника Пушкину, Тургенев произносит речь. Тогда же Достоевский говорит свою знаменитую речь, итог продолжительного глубокого изучения творений великого поэта, плод долгих дум о нем. На тех же юбилейных торжествах говорят о Пушкине Писемский, Островский, Потехин, Чаадаев. В 90-ых годах Мережковский в серии „Вечные спутники“ дает интересную характеристику Пушкина. В наши дни изучали и изучают Пушкина поэты: Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Блок, Чулков, Ходасевич, Садовский, Сергей Бобров. Но, конечно, в этом ряду писателей, занимавшихся Пушкиным, первое место принадлежит Валерию Яковлевичу Брюсову.

Никто из перечисленных мною не может быть с большим правом назван пушкинистом, как поэт Брюсов. Для Брюсова многообразное изучение Пушкина—дело, которому он отдавался не между прочим, не по тому или другому случайному поводу, а настоятельная потребность его исследовательского духа. Брюсов не только любит и ценит Пушкина, как только может любить и ценить поэт поэта, но и изучает и знает его, как ученый.

24 года тому назад появилась первая работа о Пушкине Валерия Яковлевича (рецензия в „Русском Архиве“ в 99 г. № 9 на 1-й том академического издания собр. соч. Пушкина), и написанное им о великом поэте за этот период—значительно и количественно и качественно.

В 1901 году выходит в издании „Скорпион“ альманах „Северные цветы“. В предисловии редакция писала: „Возобновляя после семидесятилетнего перерыва альманах „Северные цветы“ (последний раз он был издан в пользу семьи Дельвига в 1832 году Пушкиным), мы надеемся сохранить и его предания“. Так бунтари символисты во главе с Брюсовым на своем знамени ставили имя Пушкина.

В „возрождении“ Пушкина, его культа с начала 20 века Брюсову принадлежит одно из первых мест, если не первое.

Многочисленные работы Валерия Яковлевича по пушкиноведению можно разделить на 4 группы: 1) труды по биографии Пушкина, 2) по пушкинским текстам, 3) историко-литературные статьи и 4) исследования по стихосложению Пушкина.

В области публикации новых материалов по биографии поэта Брюсовым сделан ценный вклад книгой (1903 г.) „Письма Пушкина и к Пушкину“. Заметим, между прочим, что эта книга составилась при содействии редактора-издателя „Русского Архива“ П. И. Бартенева. С этим Нестором пушкинистов, хорошо знавшим Нащокина, Плетнева, Соболевского, Чаадаева, Киреевских, Хомякова, человеком, от которого веяло сороковыми или даже, пожалуй, тридцатыми годами, Вал. Як. был близко знаком и не мало от него слышал о Пушкине. Блестящую характеристику Бартенева (лучшее из всего написанного о нем) дал Вал. Як. в своей статье „Обломок старых поколений“ (Рус. Мысль 912, XII).

В названной книге „Письма Пушкина и к Пушкину“ мы находим официальные прошения и расписки Пушкина, 11 его писем и записок, отрывки из „Русалки“, программу „Дубровского“, примечания Пушкина к „Евгению Онегину“, 22 письма разных лиц к Пушкину, но самое ценное — 47 писем к поэту Бенкендорфа и его заместителей.

Эти письма существенно дополняли и исправляли то, что к этому времени было опубликовано из переписки Пушкина с представителями правительства Николая 1-го. Статья (в „Русском Арх.“ 906 г. № 2) „Сношения Пушкина с правительством“, примыкающая к этой публикации, посвящена частным вопросам истории сношений поэта с Бенкендорфом. К сожалению, статья не кончена.

В 1913 году Вал. Як. публикует интересные бумаги,

относящиеся к имению Пушкина Болдину и характеризующие поэта, как помещика.

Чрезвычайно ценна статья, написанная для издания Венгера сочинений поэта „Пушкин в Крыму“, заключающая в себе, между прочим, анализ хронологии пребывания Пушкина в Крыму. Интересны статьи о Пушкине и Баратынском, вызванные заметкой Щеглова, в которой он довольно грубовато пробовал доказать, что Баратынский это—пушкинский Сальери. Эта заметка вызывает со стороны Брюсова три статьи, в которых он вскрывает взаимные отношения этих двух поэтов. Заметка академика Корша „Знал ли Пушкин по-итальянски“ вызывает исследование Брюсова на эту тему. Валерия Яковлевича, кажется, больше всего взволновали слова Корша, что „Пушкин понимал по-итальянски настолько, насколько может способный и сообразительный человек понимать язык, схожий с двумя ему известными языками, но которому он никогда не учился“. Эти слова „способный и сообразительный человек“ показались Брюсову оскорбительными для памяти Пушкина, и Вал. Яков. не без раздражения доказывает, что Корш с высоты своего академического величия слишком мало ценит знания Пушкина, который, конечно, знал итальянский язык.

В своей замечательной речи „Испепеленный“ Брюсов касается отношений Пушкина к Гоголю. Здесь впервые вскрыта легенда о тесной якобы дружбе Пушкина с Гоголем. Последующие работы по этому вопросу подтвердили справедливость высказанного тогда Брюсовым.

Наконец, нужно отметить еще статью „Из жизни Пушкина“ (Нов. Путь, 903, VI). Это—интереснейший опыт характеристики поэта, „как человека, с которым встречаешься, здороваешься, разговариваешь“, попытка угадать, почувствовать живого телесного Пушкина.

Из работ В. Я. по пушкинским текстам нужно прежде всего отметить книгу „Лицейские стихи Пушкина“, изданную в 907 г. в виде подробнейшего разбора 1-го тома академического издания Пушкина, вышедшего под редакцией Л. Майкова. Исследователь с фактами в руках доказывал, что тексты академического издания очень плохи и требуют переработки. Такой вывод Брюсов сделал на основании пристального изучения одной тетради, хранящейся в Румянцевском Музее. По подсчету В. Я., в труде Л. Н. Майкова оказалось более 300 тех или иных иска-

жений в тексте; конечно, эти искажения иногда были незначительны в виде букв или запятых, но в глазах В. Я. тетрадь Пушкина—документ исключительной важности, требующий тщательнейшего изучения.

Затем Брюсов обращается к работам над текстами „Русалки“ и „Медного Всадника“ и здесь вылавливает многие интересные и ценные варианты и, так сказать, реконструирует эти произведения, не напечатанные при жизни поэта. Но в центре всех работ Вал. Яков. над текстом Пушкина надо поставить издание „Гаврилиады“. Можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, что Брюсов дал грамотной России эту поэму. До него она в России не появлялась в полном виде и впервые была напечатана полностью (за исключением нескольких слов) в двух изданиях „Альционы“. С „Гаврилиадой“ связан ряд работ Брюсова. Еще в 1903 г. в „Русском архиве“ появляется статья „Пушкин. Рана его совести“ (заглавие было дано не Валерием Яковлевичем, а Бартеневым). В этой статье говорилось о потаенной, скрытой до тех пор, кощунственной поэме Пушкина. После этого Брюсов пишет о „Гаврилиаде“ большую статью (в издании Брокгауза и Эфрона), в которой доказывает несомненную принадлежность Пушкину этой поэмы. Наконец, Вал. Як. работает над текстом лирических стихотворений Пушкина, составивших первую часть первого тома полного собрания сочинений Пушкина в издании Госиздата. Кроме того, под редакцией В. Я. Брюсова, были изданы для широких масс отдельные произведения Пушкина и собрания некоторых его стихотворений.

Вопрос об издании пушкинских текстов является одним из самых больших в современном пушкиноведении. Гофман предлагает способ, по которому издатель текста Пушкина должен, не мудрствуя лукаво, я бы сказал, механически воспроизводить точно, до последней буквы и запятой то, что он находит в тетрадях черновиков и беловых текстов. И вот, Валерий Яковлевич, вооруженный опытом и знанием классической филологии, возражает против этого метода, выставляя метод, давно, столетиями, применяемый в работе над классиками, метод дивинации, конъектуры, метод, когда редактор-издатель не складывает руки, а когда он пытается восстановить по некоторым догадкам не дошедшие полностью обрывки стихов. Этому вопросу посвящена статья в „Печати и революции“ за 1922 г. кн. 5.

Наконец, другой вопрос пушкиноведения привлек внимание Брюсова. Это вопрос об открытии до сих пор еще неизвестных страниц Пушкина, т. е. тех его прозаических статей, которые появлялись в „Литературной газете“ и „Современнике“ без подписи поэта и потому давно манили издателей, редакторов угадать, какие из них принадлежат перу великого поэта. На путь открытий вступил известный пушкинист Н. О. Лернер, сделавший на этом пути определенные положительные завоевания, но вместе с тем порой слишком увлекавшийся этим открыванием неизвестного Пушкина. И со стороны Брюсова это увлечение встретило справедливый отпор. Вал. Як. пишет под резким названием статью „Новая клевета на Пушкина. По поводу очередного открытия Лернера“, по поводу приписанной Пушкину рецензии в „Литературной газете“ на незначительную драму третьестепенного писателя „Василий Шуйский“. Статья написана Брюсовым резко, что объясняется понятным чувством возмущения атрибуцией Пушкину малограмотной рецензии. В другой статье „Новооткрываемый Пушкин“ Брюсов говорит вообще о том методе, пользуясь которым можно открывать новые произведения.

„Чтобы действительно научным образом доказывать путем стилистического и филологического разбора принадлежность новооткрытого произведения перу Пушкина, необходимо располагать безмерно большими вспомогательными средствами, нежели те, какие сейчас имеются. Раньше должен быть составлен полный словарь пушкинского языка, глубоко уяснены его поэтика, ритмика и рифмика, сделаны длинные ряды статистических подсчетов (относительно употребления Пушкиным особых выражений, оборотов речи, рифм, ритмов и т. д.) и, параллельно, изучены язык и стиль других писателей пушкинской эпохи. Мы вполне убеждены, что такого рода подготовительные работы (которые требуют труда нескольких поколений пушкинистов), действительно позволяют впоследствии заключить почти с полной достоверностью от данного произведения к его автору. Но пока ничего этого нет или все имеется только в скудных зачатках, розыски автора по „внутренним признакам“ произведения, делаемые, так сказать, „кустарным способом“, по памяти, всегда будут приводить в область субъективных утверждений и произвольных догадок.“

Работы В. Я. Брюсова историко-литературного характера

сосредоточены, главным образом, в собрании сочинений Пушкина в издании Брокгауза под редакцией Венгерова. Здесь помещены комментарии к 13 лицейским стихотворениям и 6 статей. Статья „Первая любовь Пушкина“ посвящена циклу лицейских стихотворений, связанных с именем Екатерины Павловны Бакуниной, впоследствии Полторацкой. В статье этой впервые в литературе о Пушкине была дана история этой первой сентиментальной, более воображаемой, чем бывшей в действительности, любви поэта. Затем идет статья о „Гаврилиаде“, о которой мы уже говорили, о „Домике в Коломне“, о „Медном всаднике“, о неоконченных повестях из русской жизни и „Египетских ночах“. Все эти глубоко содержательные статьи отмечены обычными для работ Валерия Яковлевича достоинствами — свежестью мысли, научной обстоятельностью и ясностью и точностью изложения. Кроме этого, в „Русских ведомостях“ В. Я. Брюсову принадлежит интересный фельетон по поводу постановки в Художественном театре „Маленькие драмы Пушкина“, и (в „Русск. Мысли“, 1916, № 2) „Пушкин и крепостное право“. В „Печати и Революции“ Пушкину, как автору „Истории Пугачевского бунта“ посвящена статья „Пушкин перед судом историка“, вызванная XI-м томом академ. изд. собр. сочинений Пушкина под ред. проф. Фирсова.

В этой статье Вал. Як. справедливо осуждает прием проф. Фирсова в примечаниях исправлять и дополнять текст Пушкина данными из работ о пугачевском восстании, появившихся после смерти Пушкина.

В резких порой замечаниях В. Я. Брюсова по адресу комментатора опять, как и в статье по поводу заметки Корша, звучат ноты как бы личной обиды за Пушкина, который, ясно для Вал. Як. не только первый русский поэт, но и нечто интимно-близкое, дорогое.

Наконец, стихотворной технике Пушкина посвящена статья В. Я. Брюсова в VI-ом томе собр. соч. Пушкина изд. под. ред. Венгерова.

В отношении стихотворной техники великого поэта, Брюсов различает 5 периодов и утверждает, что только в 20-х годах Пушкин окончательно вырабатывает тот стих, который мы теперь называем „пушкинским“. В работе Вал. Як. рассматриваются метрика, ритмика, рифмы, аллитерации и звукопись в произведениях Пушкина. Венцом всех созданий поэта является,

по мнению Брюсова, „Медный всадник“. Изучению звукописи у Пушкина посвящена одна из последних работ Брюсова „Звукопись Пушкина“ в „Печати и революции“. Предмет изучения здесь—евфония, тот закономерный сложный узор звуков, который незаметен обычно при чтении и который раскрывается в результате внимательного анализа поэта-ученого, счастливо сочетающего в себе остроту поэтического восприятия с математической точностью наблюдения.

Этими качествами—остротой поэтического восприятия и математической точностью наблюдения—отмечены вообще все работы по Пушкину Брюсова, работы, быть может, всего более ценные своим строго научным, точным „брюсовским“ методом. Это обеспечивает за ними долговечность—они надолго останутся образцовыми.

Л. П. Гроссман.
БРЮСОВ И ФРАНЦУЗСКИЕ
СИМВОЛИСТЫ.

Речь в Российской Академии Худо-
жественных Наук.

1.

В творчестве каждого крупного поэта скрещиваются лучи многообразных художественно - философских культур. Пласты различных духовных накоплений образуют ту тучную почву, на которой всходит обычно всякая значительная поэзия. Она неизбежно вбирает в себя бесчисленные системы, верования, предания и вкусы целых эпох, переплавляя эти „легенды веков“ в новый, еще невиданный стиль словесного искусства.

Этому закону, конечно, подчинено творчество Валерия Брюсова. Поэт-эрудит, художник-ученый, он не даром сказал о себе:

Я посещал сады Ликеев, академий,
На воске отмечал реченья мудрецов...

Многочисленные доктрины и поэтики Востока и Европы, древности и современности прельщали его фантазию и питали его мысль. Эллада и латинская культура, Италия и раннее германское возрождение, сказания скандинавского севера и запросы новейших поэтических поколений—все это отлагалось в подпочве его обширной поэзии, выявляя единый своеобразный и выразительный тон брюсовского голоса.

В этом многоголосом оркестре мировых культур, для нас звучит особенно явственно тема современного Парижа. Поэты Франции, прежде всего, образовали ту звуковую и образную среду, в которой впервые развернулось словесное мастерство автора равного сборника, „Chefs d'Oeuvres“. Не даром сам он свидетельствует, что его первое знакомство около 1890 г. с Верленом, Маллармэ и Рембо было для него целым откровением. Литература, зародившаяся на рубеже двух столетий самое значительное и плодотворное движение последнего полувека, наметила пути этому борцу за символизм и признанному вождю русских символистов.

Вот почему самые источники Брюсовского творчества обращают нас к французским поэтам.

2.

Своеобразно было зарождение этой крупнейшей после романтизма поэтической школы. В настоящее время подлинным зачинателем французского символизма признан поэт Артюр Рембо, друг Верлена, переживший странную судьбу искателя приключений, скитавшийся по всей Европе и даже заброшенный надолго в Африку. В наши дни во Франции идет усиленная реабилитация этого забытого поэта, которого необыкновенно высоко оценил Поль Клодель, а один из новейших критиков Жак Ривьер, в книге вышедшей в 1920 г., признал самым великим из всех когда-либо существовавших поэтов.

Историки новейшей французской литературы, отмечая некоторый отлив символической волны, не считают возможным определить сроки, когда окончится наново возникшее влияние этого гениального провидца.

В личной судьбе Артюра Рембо есть момент знаменательный для путей всей французской лирики. Весной 1871 г. 16-летний поэт находился в Париже и отважно сражался в рядах коммунаров. Вскоре за тем появился первый сборник его стихов, признанный теперь одним из самых могучих истоков всего символического движения.

Это важный и показательный момент. Сочетание в одном лице активной борьбы и поэтического новаторства необыкновенно характерно для Франции. Эти поэты-солдаты и поэты-революционеры, сменяющие кафе и кабинеты на баррикады и траншеи проходят по всем столетиям французской лирики. Их героическая плеяда тянется от Агриппы д'Обинье, писавшего свои „Tragiques“ на боевом коне, среди лагерей и траншей, через Андре Шенье до нашего современника Шарля Пегги, погибшего в последнюю войну в окопах. Воинственность, боевой темперамент, протестантский пафос, разрушительный и завоевательный инстинкт одинаково сказываются и в готовности ринуться в смертельную опасность, и в задоре поэтических программ, и в резком вызове художественных манифестов. Эти воинствующие лирики всегда готовы бросить новое плодотворное учение, наметить неведомые пути, провозгласить каноны бунтарских форм

и увлечь ими повсеместно поколения молодых искателей. Отважная борьба за новые ценности и неиссякающее творчество новых форм—вот признаки той старинной галльской традиции, в силу которой Париж так выразительно был назван „городом окровавленной мостовой и лучезарной мысли“.

Два этих устремления французской поэтической культуры были рано восприняты Брюсовым и остались навсегда характерными для него. Он вступил в русскую поэзию, как бунтарь, и сразу стал в ней строителем и чеканщиком нового поэтического стиля. Брюсов давно уже признан законодателем форм русского символизма. Современники и соратники его по боевым выступлениям единогласно признали за ним роль предводителя целого поэтического движения. По словам Андрея Белого — „Брюсов один организовал символизм в России“. Современники с изумлением отмечали, как этот поэт страсти, отчаяния и ужаса закрыл свою проповедь „железным щитом формы“ и стал, по его собственному слову, не только творцом, но и хранителем тайны:

Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны.
В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков
Гимнов заветные звуки для слуха жрецов не случайны.
Праздний в них различит лишь сочетания слов.
Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий не-
[ясной?

Нет? Так сними свой венок: чужд Полигимнии ты.

Так уже в расцвете творчества обращается Брюсов к младшему собрату — начинающему поэту. Указывая на эти драгоценные, полновесные трофеи поэтической культуры, поэт словно возвещает принцип посвящения в тайны своего искусства. Но верность традиции не лишает его права искать новых путей.

3.

Миссия новатора всегда трудна, а роль конструктора нового художественного течения бывает непомерно тягостной и мучительной. Задача, ставшая на рубеже двух столетий перед вождем нового устремления русской поэзии, отличалась именно

такими чертами. Необходимо было оформить в русском поэтическом стиле художественные течения, провозглашавшие разрушение всех законченных форм предшествующей поэзии.

Символизм прежде всего выступал в качестве реакции парнаизму с его графической отчетливостью и скульптурной осязательностью стиха. Проблема словесной музыки, стиховой инструментовки, строфической оркестровки, задание *vers libre*, освобожденного от цезуры, рифмы, размера, сложное задание синтетической фразы,—все это настоятельно выражало свой протест против математической планировки поэмы, стихотворной реторики, красноречия, литературности. Основоположным стали строки знаменитого *Art poétique* Верлена:

Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'indécis au précis se joint...

Эта опьяненная песня, приобщающая прелесть неясного ко всему отчетливому, служила долго лозунгом новому течению. Нужно было не лепить и не изображать, но внушать, навевать, вызывать видения и эмоции беглыми чертами, оттенками, намеками. Не даром один из учителей Брюсова—Бодлер признал „странное“ основным признаком красоты, внес в свою эстетику требование крайней нервозности для художника, выказал тягу к оккультизму и признал язык последней эпохи латинского упадка наиболее выразительным для страстей и ощущений новейшей поэзии. Не даром Маллармэ признал своим учителем Рихарда Вагнера, выдвинул требование, чтобы новый стих весь проникся особым ритмическим колебанием, потрясающим и сладостным, как напряженные крылья оркестра, и высшим своим заданием поставил транспозицию книги в симфонию.

Такова была поэтика раннего символизма, обусловившая творческую драму Брюсова. Поэт экстремы, яркости, чеканной образности, он должен был стать выразителем течения, выступившего с апологией намеков, беглых светотеней, неясных и неоформленных ощущений. Поэт парнасского типа должен был стать вождем и глашатаем символизма.

Как разрешилась эта драма художника? Брюсов нашел спасительный исход там же, где возникла эта новая опасная поэтика—во Франции.

Ибо новая школа парижских поэтов, разрушая, строила и отменяя предшествующую доктрину, воздвигала прочное здание новой. Деформация старого стиля не привела к хаотическому

крушению поэтической речи. Провозглашая новую лирическую свободу, французские символисты уверенно кодифицировали ее. В плавкой и расплывающейся атмосфере этой анархической поэтики понемногу отливался и затвердевал строгий канон нового поэтического стиля.

Уже у предтечи символистов—Бодлера—отстаивалась новая эстетика, определяющая искусство, как сложную мозаику редкостных ощущений. Поль Верлэн не переставал теоретически обосновывать свои новаторские устремления, подчиняя все многообразие поэтических возможностей единству музыкального ритма. Он диктует практические формулы просодии и языка, требует соблюдения размера, декретирует замену рифмы ассонансом. Наконец, Маллармэ, этот поздний гегельянец, признает приоритет интеллектуальной эмоции, считает центром поэзии мысль, утонченную культурой, вносит в творчество волевой момент и воздвигает сложное учение о слиянии науки искусства и религии.

Проблемы эстетической дисциплины и задания стихотворной техники одинаково тонко и всесторонне разработаны французскими символистами, сумевшими развернуть литературное течение до размеров обширной художественно-философской культуры.

Все это указывало пути, намечало приемы, направляло шаги искателя и определяло его цели. И Брюсов с верным компасом в руках двинулся в свой поэтический путь, уверенно выбирая направление, решительно устремляясь вперед, увлекая за собой молодых, диктуя и законодательствуя.

4.

Но двинуться вперед значило тогда, как почти всегда, ринуться в бой. Рост движения от первых тоненьких сборников „Русских символистов“, через „Весы“ и, в сущности, через все книги Брюсова представляет крупнейшие этапы единой тридцатилетней войны поэта с дряхлеющими, но еще устойчивыми формами во имя неведомых поэтических образований. Деятельность Брюсова—это последовательная борьба за новый поэтический стиль, которому он отвоевал не только право на существование, но одно из самых почетных мест в славной истории русских поэтических школ. В этой увлекательной летописи глава о

символизме отличается тем богатством, которое мы, ближайшие современники, еще не можем объективно оценить, и в оценке которой будущие поколения, в первую очередь, назовут имя Валерия Брюсова.

Они одинаково признают за ним эти услуги организатора и бойца. Брюсов словно строил одной рукой и фехтовал другой. Показательно его обращение от старших символистов к Верхарну,—поэту масс, взволнованных толп, фабричных гулов, революционных грохотов, всех схваток и битв современности. Знаменательна „тема кинжала“ прорезающая лирику Брюсова от его вызова 1903 года: «он вырван из ножен и блещет вам в глаза» до его обращения к „Служителю муз“:

Когда бросает ярость ветра,
В лицо нам вражьи знамена,
Сломай свой циркуль геометра
Прими доспех на рамена.

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал,
Забудь о таинствах вселенной.
Поспешно отточи кинжал.

Этот боевой темперамент Брюсова решительно сказался в последние годы, когда его пути снова так фатально и знаменательно скрестились с путями молодого Артюра Рембо.

Во всем этом выражается основная природа поэта, который сумел сочетать в себе дар строителя и борца, разрушителя и организатора. Синтетический облик Брюсова являет нам черты бесстрашного укротителя слов, поэта - комбатанта, уверенного мастера и отважного конквистадора в безбрежных далях российской поэзии.

5.

Русский символизм имеет свои глубокие отечественные корни. Достаточно указать на Тютчева, Баратынского, Фета и Владимира Соловьева, чтоб понять, как наша романтическая и философская лирика, начиная с пушкинских времен, подготавливала рождение этого крупного этапа русской поэзии. Брюсов в этом смысле завершает длительную традицию своей родной литературы и органически связан с ней своим творчеством и своими ценными изучениями. На фоне этого богатого

поэтического прошлого России его фигура получает необходимое углубление и новую отчетливость.

И тем не менее общий фон французской лирики представляется нам наиболее благодарным материалом для оттенения основных свойств хорега русских символистов. Не даром он столько потрудился для передачи на наш язык почти всех поэтов французской речи—от Расина и Андре Шенье до Анри де-Ренье и Верхарна. «Острый галльский смысл» по слову Блока, не только пленил, но и образовал Брюсова. При всем своеобразии его поэтического лица, на нем определяющими чертами легли эти отражения французского гения, в его неустанном завоевании новых эстетических ценностей и кристаллической отшлифовке их для всего человечества.

Эти боевые и созидательные традиции старого *esprit gaulois* были восприняты у нас в начале 90-х годов юным поэтом Валерием Брюсовым. Приняв их от великих лириков новой Франции, он с рыцарственной верностью лозунгам своей молодости, пронес их через три десятилетия напряженного художественного труда, ненарушимо сохранив их в своем творческом облике во всей их непреклонной выразительности.

Г. А. Рачинский.

БРЮСОВ и В. Л. Х. И.

Речь в Российской Академии Художественных Наук.

В еще не очень далеком прошлом, но, вместе со многим уже отошедшим в область истории, когда общество свободной эстетики собиралось в помещении московского художественного кружка, мне довелось быть свидетелем спора, принявшего характер маленькой бури, правда, бури в стакане воды, но весьма показательной для настроения и воззрений участников спора, почти исключительно художников и любителей и знатоков искусства. Общество организовало ряд конкурсов и, между прочим, предложено было написать стихотворение, пригодное для того, чтоб быть положенным на музыку. Комиссия, представлявшая будущее жюри, изыскивала темы. Председательствовавший В. Я. Брюсов, предложил в числе других тем стих К. Павловой: „Мое святое ремесло...“ Поднялись протесты, очень энергичные и настойчивые, и несколько дней между членами общества велись споры и разговоры о том, лежит ли в основе художественного творчества ремесло, раз его предмет есть красота, и можно ли вообще ремесло назвать „святым“. На первый вопрос отвечали разнo, но неизменно стараясь сузить место и значимость ремесленной техники в искусстве и бросить тень на ее существенную важность, на второй почти единодушно отвечали отрицанием возможности назвать ремесло „святым“. А между тем говорившие были музыканты и живописцы, которым, казалось бы, точка зрения К. Павловой должна была бы быть не чуждой и не новой. В. Я. Брюсов, не впадаясь в длинные и бесплодные споры, спокойно защищал пафос, вложенный в стихи поэтессы, и пророчил, что точка зрения ее вместе с ростом художественной культуры станет со временем общепринятой. Собственно, вопрос шел, главным образом, о технике художественного слова, почти совсем неразработанной и мало известной даже профессиональным литераторам, работавшим больше по чутью, в потемках, хотя и достигавших иногда замечательной сноровки, но сноровки полусо-

знательной, результаты которой они не могли ни выяснить другим, ни передать. Этот пробел в культуре и школе давно заботил Брюсова; ему посвящена была одна из ранних его статей, напечатанная в 1897 году в журнале „Семья“ под заглавием „Школа и поэзия“. С тех пор дело начало понемногу двигаться вперед, стали появляться исследования по отдельным вопросам словесной техники и нарождаться соответствующие студии, но все это шло как-то вразброд, без необходимой концентрации, а в студиях зачастую в форме практического натаскивания без широкого научного базиса.

Судьба словесного искусства сложилась в этом отношении как-то странно и неудачно; то, что в давнопрошедшие времена осуществлялось в мастерских живописцев и ваятелей, в строительных цехах, в домашних школах отдельных музыкантов и в инструментальных и певческих капеллах, давно уже сосредоточилось в академиях художеств и консерваториях, получило широкую научную разработку и правильную школьную постановку. Музыка, рисование и даже лепка стали входить в состав элементарного, начального и среднего образования, и, вместе с тем, значительно повысился уровень художественной культуры общества в этих областях, а искусство слова продолжало пребывать в загоне, что вызывало торжество безудержного дилетантизма, поддерживаемого самыми смутными понятиями и вкусами, царившими в обществе. Что давало в этом отношении преподавание литературы в нашей средней школе известно всем: за редкими исключениями, зависевшими от личности преподавателя, а не от системы, — вспомним учителя В. Я. Брюсова, Л. И. Поливанова — ровно ничего. Все это раньше других стало ясно В. Я. Брюсову, являвшему редкое соединение художника — поэта и зоркого, трезвого научного исследователя, широкие интересы которого захватывали даже область математики. Требовались только благоприятные политические и общественные условия, при которых могла бы создаться возможность провести эти мысли в жизнь, осуществить их на деле. Революция и наступление нового режима принесли с собой требуемые условия; центральное, господствующее положение, которое занял в государственной жизни пролетариат, направило интересы общества на профессиональные и технические вопросы, вопросы труда и производства во всех его формах. Создалась новая атмосфера, профессиональное и техниче-

ское образование выступило на первое место, устранив былую диктатуру чисто гуманитарных, отвлеченных систем, и соответствующие школы стали нарождаться десятками. В. Я. Брюсов, один из первых среди интеллигенции пошедший на встречу новому строю и отдавший на служение ему все свои силы, приступает к осуществлению своих давнишних идей. Во вступительной лекции к курсу стихотворной техники, прочитанной в апреле месяце 1918 года в московской „Студии стиховедения“, он провозглашает необходимость создания „Академии поэтов“ и набрасывает широкую программу соответствующих наук. „Poetae nascuntur“, говорит он, „но технике стиха и можно, и должно учиться“. „Странно было бы допустить, что поэзия составляет исключение в ряду других искусств. Почему художники кисти и скульпторы учатся по несколько лет в Академиях художеств или школах живописи, изучая перспективу, теорию теней, упражняясь в этюдах с гипса и с натуры? Почему никому не приходит на мысль писать симфонию или оперу без соответствующих знаний, и почему никто не поручит строить собор или дворец человеку, незнакомому с законами архитектуры? Между тем, чтобы писать драму или поэму, многие считают достаточным знакомство с правилами грамматики. Неужели техника поэзии, в частности стихотворства, настолько проще технической стороны в музыке, живописи, ваянии, зодчестве? До последнего времени поэтам приходилось быть „самоучками“. Каждому приходилось заново „открывать“ законы и правила своего ремесла путем внимательного изучения классических образцов литературы, путем поисков почти ощупью, путем тысячи проб и ошибок. Но в чем же и состоит задача науки, которая „сокращает нам опыты быстротекущей жизни“? Не в том ли, чтобы избавить от отыскания того, что уже найдено раньше? Сколько драгоценного времени и труда было бы сэкономлено, если бы каждый поэт не был принужден вновь, для себя, воссоздавать теорию стиха, а мог бы знакомиться с ней из лекций профессора, как композитор знакомится с элементарной и высшей теорией музыки! „Академии поэтов“, это—неизбежное учреждение будущего, ибо в этом будущем, каково бы оно ни было, найдется свое место поэзии. Эти „Академии, повторяю, будут бессильны создавать поэтов (как и консерватории не создают Римских-Корсаковых и Скрябиных), но помогут поэтам легче и скорее овладеть техникой искусства“. Важно, „чтоб художник „мог

по своей воле“ давать тот или иной характер избранной им форме, „а не зависел в этом отношении от случая, ибо случайности нет места в искусстве (что, конечно, не исключает элемента бессознательности в творчестве)“. Эта лекция, представлявшая целую программу, предпослана была, в качестве вступительной статьи, к вышедшим в том же году „Опытам“ стихотворной техники. В высшей степени любопытно и показательно для литературной культуры общества и его отношения к технике слова то впечатление, которое эти „Опыты“ произвели на широкую публику. Очень многие приняли их за какое-то чудачество, какой-то словесный акробатизм, пустое и хвастливое выставление внешней виртуозности, несмотря на категорическое заявление автора, что в каждом из этих „опытов“ есть „частица его души“, что в каждом из них, помимо особенностей техники, заложены те или другие чувства, глубоко им пережитые, то или другое раздумье, живо и остро волновавшее его когда-то“. И это, зачастую, говорили люди, способные часами воодушевленно рассуждать о глубине и значительности многоголосных фуг, вариаций на тему и других музыкальных форм.

Но, так или иначе, мысль о необходимости создания высшей школы словесного искусства была брошена и должна была принести свои плоды. Первой ячейкой такой школы явилась организованная В. Я. Брюсовым студия при Лито Наркомпроса, в которой, на ряду с учеными исследователями языка и литературы, приняли горячее участие такие поэты, как Андрей Белый и Вячеслав Иванов. Скоро опыт показал, что рамки студии являются слишком тесными и что имеются налицо все данные для создания высшего учебного заведения. В это самое время при „Дворце Искусств“ функционировали литературные курсы с несколько другой программой и задачами, но проникутые теми же тенденциями. Весной 1921 года решено было слить студию и курсы и преобразовать их в Высший Литературно-Художественный Институт.

Все лето прошло в разработке устава и программ, для чего была создана особая комиссия, и осенью состоялся первый прием слушателей. Во главе Института стал и душой его сделался В. Я. Брюсов. Но главное дело было еще впереди. Институт представлял еще не бывалый тип высшей профессиональной школы работников художественного слова; нигде в мире таковой не имелось. Без уже сложившегося образца, без много-

летнего опыта приходилось день за днем испытывать, строить, видоизменять, преобразовывать, постоянно проверять и перерабатывать план и программы, сообразуясь с тем, что постепенно сказывалось на деле.

Большую помощь оказывало воодушевленное отношение студентов, принимавших, в лице образовавшихся в Институте аксекции и комячейки, деятельное участие в разработке всех выдвигавшихся академической жизнью вопросов. Львиная часть этой огромной организационной работы, равно как идейное руководство ею, легло, понятно, на создателя Института—В. Я. Брюсова. И два с половиной года упорного, направленного ясной мыслью и твердой волей труда не прошли бесплодно: Институт сложился, окреп и зажил полной жизнью.

В настоящую минуту он представляет высшее учебное заведение с трехлетним курсом, распадающееся со второго курса на два отделения: творческое и инструкторское*). Центральное место занимают классы: поэзии, прозы, драматургии, художественного перевода, критики, работы с массами и клубного дела, имеющие ярко выраженный практический уклон. Необходимая для работников в области художественного слова научная подготовка дается в ряде курсов и семинариев по стихологии вообще, по метрике и ритмике, евфонии и созвучиям, строфике и формам, по логике, психологии и, в частности, психологии творчества, по русской, латинской, греческой и западным литературам, по исторической поэтике и теории словесности, по русской народной словесности, по языкознанию и языкам: латинскому, греческому, французскому, немецкому и английскому, по истории изобразительных искусств и истории музыки, не считая лекций по политическим и общественным дисциплинам, общих для всех высших учебных заведений. Для разработки специальных научных вопросов, при Институте имеются два исследовательских кабинета по поэтике и марксистской критике.

Рядом с этим, вне общего плана, возникли при Институте руководимые отдельными поэтами вольные мастерские. Число студентов, обучающихся в Институте, в настоящее время дости-

*) По новому учебному плану, вводимому с 1924—1925 учебного года конструкция В. Л.-Х. И. несколько видоизменилась в сторону дальнейшей специализации. (См. об этом „Сборник программ и учебных планов В. Л.-Х. И.“. Москва, 1924 г.)

гает до 500. В связи с достигнутой последними приемами пролетаризацией студенческого состава, среди учащихся имеются представители групп пролетарских поэтов: „Рабочая Весна“, „Октябрь“, „Кузница“, „Твори“ и крестьянской группы „Радуга“. Весною будущего года предстоит первый выпуск свободных художников и инструкторов слова.

Говорить об успехах и результатах работы Института мне не приходится: они скажутся на деле; но связаны они останутся навсегда с именем его творца. Признанием этого служит наименование к его юбилею Наркомпросом Института — Высшим Литературно - Художественным Институтом имени Валерия Брюсова.

С. В. Шервинский.

БРЮСОВ И РИМ.

Доклад прочитанный в Российской
Академии Художественных Наук.

Мне вспоминается древне-римское божество — Янус. Он изображался в виде двойной гермы, с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны.

Таким двуликим Янусом стоит перед нами Валерий Брюсов.

Человек, остро чувствующий себя звеном создания и мимолетным сыном праха, всякий человек в известном смысле является двуликим Янусом.

Одно лицо его обращено в прошедшее, другое в будущее. Он, как Янус, — вечный символ входа и выхода из минувшего в грядущее. И Брюсов в этом образе двуликого Януса охватывает громадные судьбы человечества, от фантастической, так блистательно воссозданной им Атлантиды, до прозрения в последние дни человечества, как он изобразил их в рассказах из „Земной Оси“.

Что же в этом непомерном диапазоне от Атлантиды до конца света главным образом занимает мечту Брюсова? — Брюсов любит и восхищается человеком, задумывается над человеком. Человек и, может быть, только человек, привлекает его изумленное внимание:

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

Вся поэзия Брюсова, далекая от бога, далекая от философии, далекая от преклонения перед добром, далекая от ненависти к злу, сосредоточена почти исключительно вокруг человека, как явления, и, в частности, *человека во времени*. Человек во времени вызывает все удивление поэта, и не столько преклонение, сколько именно удивление. Таким образом мы видим у Брюсова в качестве основного фона его творчества особое, в глубоком и лучшем смысле этого слова *историческое*

чувство. Историзм — стихия Брюсова. И на деле Брюсов не только поэт, но и историк. С тщательностью и умением специалиста, а не диллетанта, излагает нам Брюсов гипотезу Атлантиды, историю армянского народа. Наконец, Брюсов пользуется заслуженной славой, как историк литературы.

Брюсов со своим историческим чувством легко овладевает культурой XIX-го века и современностью, но постоянная воля расширить пределы своего исторического знания и понимания, победить за собою подавляющую темноту веков, заставляет Януса взором обращенным назад зорко пронизывать все исторические судьбы человечества. И Брюсов неизменно соприкасается в творчестве своем с разнообразными, до самых отдаленных, эпохами и видами бытия исторического человека, воплощая и претворяя „сны человечества“.

Если на первых ступенях Брюсов, автор „Огненного ангела“, углубляется в средневековье и в этой грани своей предстает нам мистиком и магом, то другой, своей гранью, и хочется думать, главной, соприкасается он с древним Римом, который Брюсову наиболее созвучен и родственен:

Не как пришлец на римский форум
Я приходил—в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.
И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой..

Римская культура в собственном ее сознании дело рук человеческих. Рим—это рассудок, ум, трезвость. Цель его—земная; его орудие—воля и труд.

Из различных обликов Рима Брюсову особенно близок так называемый Рим упадка с его уже четко обозначившейся ролью мировой империи. Этот Рим с его нравственной индифферентностью, религиозной растерянностью, философской беспочвенностью, разгулом разврата, подавляющими масштабами роскоши, со своей интернациональной шумливостью, чудовищным величием построек, с блеском женщин и вещей, Рим—от храма Великой Матери до военного лагеря и варварского лица. Каракаллы, от многоязычного форума до восточных домовых убранств, гипнотизирует Брюсова—человекопоклонника.

В творчестве Брюсова Рим упадка империи занимает крупное место. Тонким знанием его полон значительный роман „Алтарь Победы“, туда же ведет „Юпитер Поверженный“, оттуда же происходит повесть „Рея Сильвия“.

В соприкосновении с литературой, с литературным бытом Рима Брюсов приобретает какую-то пленительную интимность. Как будто вращаясь в хорошо и лично знакомой среде, разбирается Брюсов в мельчайших литературных явлениях и взаимоотношениях, воссоздавая по намекам позабытых литературных деятелей и судьбы отдельных утраченных либо только предполагавшихся книг. Такая интимность зависит у Брюсова и от детального знания предмета. Брюсов постоянно работал над переводами античных поэтов; его капитальным трудом в этом направлении является перевод „Энеиды“. Много сил посвящает Брюсов переводу „Горация“, наконец, меньшим поэтам, поэтам упадка и впервые дарит русской передовой литературе мало известных в России Авзония и Пентадия. И читая или слушая переводы Брюсова с латинского и его просвещенный, интимный к ним комментарий, мы испытываем чувство величайшей убежденности, — лучшее доказательство подлинного проникновения переводчика в дух переводимого. Я имел счастье лично работать с Брюсовым над переводом латинских поэтов и всегда поражался тому неостывающему энтузиазму, той искренней любви, которые проявлял Брюсов к этим древним авторам, той изумительной творческой настойчивости и добросовестности, с которыми он приступал к автору и овладевал им. Сколько артистического труда нужно было, чтобы так неуклонно держаться на уровне всех поэтических средств Вергилия при переводе „Энеиды“, где Брюсов ставил себе задачей сохранение всей эфонической стороны, даже метрических тонкостей Вергилиева гекзаметра, передавая русскими спондеями спондеи подлинника, или с педантической последовательностью стараясь передать по русски возможно точное звучание латинских имен.

Значение Брюсова, как насадителя в русской литературе римского, м. б., шире, романского начала, до сих пор скорее недооценено. Оно — громадно, и именно значительность его невольно и неизбежно выдвигает другой вопрос, — вопрос о Брюсове и России, которые всегда слитны и никогда не слиянны.

В. Я. Брюсов.
ОТВЕТНАЯ РЕЧЬ
в Российской Академии Художествен-
ных Наук.

Нужно ли говорить, как я глубоко признателен всем вам, которые вошли сюда, чтобы так внимательно приветствовать меня, и всем докладчикам, которые говорили обо мне столько добрых слов, которые я так мало привык слышать. Но, слушая эти добрые слова, я невольно вспоминал стихи Фета, написанные тоже по поводу его юбилея, когда праздновалось 50-летие его литературной деятельности. Фет говорил тогда:

Нас отпевают в этот день
Никто не подойдет с хулою.
Всяк благосклонною хвалюю.
Немую провожает тень...

Понимаете, товарищи, что хотя и очень лестно и почетно быть объектом таких отпеваний, но играть роль немой тени все-таки очень тяжело, особенно когда чувствуешь себя способным говорить, а не совсем еще онемелым. И, слушая все эти добрые слова, я удивлялся вот чему. Почему, товарищи, обо мне говорили сегодня почти исключительно, как о классике символизма. Этот самый символизм благополучно умер и не существует, умер от естественной дряхлости. Должно быть это я в самом деле „немая тень“, если нечего больше сказать обо мне. А между тем таковы, собственно, были доклады проф. Сакулина, и Гроссмана, и Шервинского, и Цявловского. Я не говорю о докладе проф. Рачинского, так как он касался только маленькой части моей жизни. Правда, Анатолий Васильевич Луначарский,— за что я ему очень признателен,—упомянул о моей деятельности в наши дни, но это напоминание осталось оторванным от других докладов. И когда Павел Никитич Сакулин сказал: Валерий Брюсов сделался затем бардом революции,—на мой взгляд это выходило тоже оторванным от всего его доклада. Как-то не ясно было, каким образом этот классик символизма мог сделаться бардом революции. Говорилось много о туман-

ности символизма, о том, что символ облакался в туманные формы. Не знаю, товарищи, конечно, я был среди символистов, был символистом, но никогда ничего туманного в этой поэзии, в этих символах не видел, не знал и не хотел знать. Павел Никитич сказал далее, что когда я сделался этим самым бардом революции, то, может-быть,—это были его слова, я их точно записал,—это был логический путь. Эти слова я подчеркиваю.

Товарищи, вы знаете, что я по своему положению юбиляра вынужден говорить о самом себе. Может-быть, я с большим удовольствием говорил бы о ком-нибудь другом. Но это, вероятно, вызвало бы только ваше недоумение. Поэтому я прошу извинения за то, что я обращаюсь немного даже к своей биографии, можно сказать, к своей автобиографии.

Родился я в 1873 году. К сожалению, теперь это известно уже всем. Отец мой по происхождению крестьянин, по профессии в то время сын купца, отец мой был самый настоящий человек 70-ых, даже, вернее, 60-ых годов. И вся моя семья была именно шестидесятники. Первые мои впечатления в детстве это—портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца, и так остались висеть до самой его смерти. Это были первые имена больших людей, которые я научился лепетать. А следующее имя великого человека, которое я выучил, было имя Дарвина. И наконец, четвертое имя—Некрасова, поэзия которого была долгое время единственно знакомой мне поэзией. В доме нашем не было ни Пушкина, ни Лермонтова—я узнал их несколько позже, а стихи Некрасова я заучил с детства. Вот что было впечатлениями моего детства, вот что создало мое миросозерцание, мою психологию. И я думаю, что какой она была в детстве, такой она осталась и до конца моей жизни.

Павел Никитич Сакулин сказал,—я записал его слова точно,—обо мне: среди одержимых,—я не думаю, чтобы мои товарищи символисты были одержимые,—он был наиболее трезвым, наиболее реалистом. Это правда. И он еще добавляет: он,—т.е. я,—был среди символистов утилитаристом. И это верно. Я помню, отлично помню, наши очень бурные споры с Вячеславом Ивановым, который жестоко упрекал меня за этот реализм в символизме, за этот позитивизм в идеализме. Это

привело к тому, что я не ужился в кругу Мережковских и „Нового Пути“. Затем все вы можете видеть отзвуки этих споров на страницах „Весов“. Я вспоминаю мой большой спор с Андреем Белым по поводу его статьи „Апокалипсис новой поэзии“. Сквозь символизм прошел с тем мирозерцанием, которое с детства залегло в глубь моего существа.

Есть у одного из молодых символистов книга, которая называется: „Возвращение в дом отчий“. Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в „Дом отчий“,—так все это было мне просто и понятно. Никакой метаморфозы я в себе не чувствовал. Я ощущаю себя тем, кем я был. Все то новое, если оно есть, для меня, как говорили раньше раскольники о Петре Великом, „старинной пахнет“.

И, конечно, товарищи, здесь нужно отнести на счет юбилейных преувеличений то, что я был вождем символизма, создал журнал „Весы“, создал Литературно-Художественный Институт; само собой это преувеличено, и не стоит доказывать, что создал все это не я, а я был одним из колесиков той машины, которая создавала, был некоторой частью в том коллективе, который создал символическую поэзию, и в том движении, которое дало Литературно-Художественную Школу. Это само собой разумеется.

Но кто же были члены этой группы и этого коллектива, в котором я участвовал. Здесь я позволю себе сослаться на самые объективные факты. Насколько в самый первый период моей жизни кругом меня я видел среди товарищей людей старше меня,—Мережковского, Соллогуба, Бальмонта, настолько скоро это переменялось; постепенно я видел, как старшие сотоварищи меня оставляют и вокруг меня группируются все более молодые поколения, и от десятилетия к десятилетию я вижу около себя все более и более молодые лица.

Это не значит, что я старался говорить то, что говорит эта молодежь. Всем известно, опять таки по фактам, что я очень часто с молодежью спорю, и теперь новая молодежь знает, что я с нею тоже часто не согласен и в организациях, и на страницах печати, но я стремлюсь изучать и понимать эту молодежь, слушать, что она говорит, это я поставил задачей, я чувствую в этом необходимость и верю, что именно это стремление, вложенное в мое существо, и должно дать возможность пройти дорогу к дому отчому.

Я знаю то, что, в конце-концов, сознавая все свои недостатки и ошибки, я все-таки не даром делал тот путь, по которому я прошел. Слушая здесь, с эстрады, свои стихи, мои давние стихи, которые я давно писал, я все время качал головой и в самом себе критиковал, как это плохо и неверно, потому что сейчас я пишу по другому, лучше, насколько могу.

Когда-то я взял эпитафией для своей книги выражение из латинского поэта, так как очень люблю Рим, из Вергилия: *naviget, haec summa est*; в переводе это: „пусть он плывет, в этом все“; вот этот девиз, который я выбрал себе в жизни, который много раз повторял в стихах; я стараюсь сделать прежде всего так, чтобы плыть, итти вперед, но итти вперед невозможно, если не итти за поколением, не отбрасывать старших и не переходить к молодежи, не жить таким образом, чтобы кругом все меньше и меньше становилось сверстников и больше молодежи; Итти вперед можно только опираясь на эту самую молодежь; насколько я могу, я стремлюсь это делать, мое самое большое стремление — быть с молодыми и понять их. Это не значит всегда с ними соглашаться, может быть молодежь и неправа, но в ней есть правда и истина, которую мы, старики, должны понять, чтобы оценить и правильно критиковать взгляды и тех и других.

Я начал стихами Фета, позвольте мне его стихами и кончить. Вот что говорит Фет:

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.

М. С. Григорьев.
БРЮСОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
Речь в В. Л. Х. И.

Юбилей В. Я. Брюсова не принадлежит к числу тех юбилеев, по поводу которых можно подводить итоги работ юбиляра: поэт—величайший мастер стиха, ученый—обладающий редкой эрудицией и оригинальностью мышления, педагог и общественный деятель—он и сейчас по всем этим направлениям ведет напряженную и безостановочную работу. Касаясь только художественного и научного творчества, достаточно сказать, что за последние годы В. Я. Брюсовым написан ряд произведений, *еще не опубликованных*.—К ним относятся: сборник стихотворений—„Меа“; 2 драмы—„Диктатор“ и „На комете“, содержание которых близко к переживаемым нами событиям; роман „Юпитер поверженный“; сборник научных рассказов, где в художественной форме разрабатываются современные проблемы математики и естествознания; *перевод полного собрания стихотворений Эдгара По*; перевод „Федры“ Расина, вызвавший столько толков во Франции в связи с гастрольной поездкой Московского Камерного Театра; *перевод обеих частей „Фауста“ Гете*; *полный перевод „Энеиды“ Вергилия*; ряд теоретических статей особенно статей, касающихся вопросов поэтики, в частности, вопросов стиха; выдающаяся монография „Энциклопедия стиха“ и т. д., и т. д. Таким образом, окончательная оценка деятельности В. Я. Брюсова еще далеко впереди. Будущим историкам литературы, общественности и науки предстоит большая задача по пересмотру всего научного и поэтического творчества В. Я. Брюсова с целью *органического* понимания его в связи с личными и общественными жизненными проблемами поэта. Выполнение этой задачи тем более необходимо, что большинство из имеющихся до сих пор критических отзывов—как благоприятных для поэта, так и враждебных ему—в высокой степени импрессионистичны и субъективны.

Выполнение этой задачи по пересмотру творчества Брюсова предполагает, прежде всего, полное собрание сочинений

В. Я. Брюсова, чего, к стыду нашему, нет: думается, что в связи с юбилейными днями, Государственное Издательство заполнит этот пробел. Но, тем не менее, уже и теперь напрашиваются некоторые основные выводы относительно художественной, научной и общественной деятельности В. Я. Брюсова, с которыми я и позволю себе поделиться в своем небольшом докладе, в пределах отведенного мне времени.

И, прежде всего, должен быть отмечен широкий диапазон творчества В. Я. Брюсова вширь и вглубь; не юбилейный гиперболизм, но объективное усмотрение побуждает назвать эту черту поистине пушкинской. В самом деле—мастерское владение стихотворной техникой позволяет Брюсову, подобно Пушкину, пользоваться самыми разнообразными *поэтическими формами*: вероятно, нет ни одной строфической формы, ни одного приема инструментовки, который не был бы использован Брюсовым. На ряду с этим—*драмы*: „Земля“, „Путник“, „Пифагорейцы“, „Диктатор“, „На комете“ и др.—займут не последнее место в истории драматической литературы. *Рассказы* Брюсова обнаруживают лаконически-сильную прозу. Тонкое знание стиля *иных эпох* проявляется особенно в романе „Огненный ангел“, со стилизацией под средневековье. Что касается *научной* творчества, то не приходится много говорить о тех областях, в которых Брюсов является специалистом: поэтике, стихологии, истории литературы, критике и т. д. *Критические очерки* („Далекие и близкие“, „Испепеленный“ и др.) Брюсова обнаруживают критическое чутье и понимание главных особенностей данного писателя: можно, например, без преувеличения утверждать, что Брюсов во многом содействовал открытию поэтических богатств Тютчева (см. его статью о Тютчеве), увлечение которым захватило после широкие круги читающих. Но на ряду с этим, у Брюсова имеются исследования и в области истории культуры—например, мало известная статья о гипотетической культуре Атлантиды (журнал „Летопись“) представляет большой интерес и для специалистов. Все то, что я говорю о разносторонности творчества Брюсова, может найти подтверждение в ссылках на различные произведения его, но мы с вами, товарищи, побывавшие на тех лекциях В. Я., которыми он замещал отсутствующих профессоров, знаем, сверх того, Брюсова—*лингвиста* и Брюсова—*историка-математика*.

Таков громадный материал, которым располагает Брюсов.

Но *действенным* этот материал делает основная черта его личности: *современность, созвучность переживаемой нами эпохе.* В одном из неизданных стихотворений, Брюсов говорит о том, что он чувствует себя *своим* в наше время. И это не случайно: многое из прошлого Брюсова органически подготовляло его к современности. В. Я. Брюсов происходит из крестьянской семьи: его отец и дед были крепостными. Отец В. Я. Брюсова, причастный к идеям 60 годов—позитивным и материалистическим—передал поэту позитивный образ мышления. Таким образом, и вступление В. Я. Брюсова в коммунистическую партию, и пользование им в современных исследованиях методом исторического материализма—что некоторой части интеллигенции казалось неожиданным и немотивированным—на самом деле не является случайным, но коренится в позитивном мышлении, привитом поэту еще в детстве. То, что на первый взгляд кажется резко противоречащим нашему утверждению—*символический период в творчестве Брюсова*—в действительности никакого противоречия не создает. В самом деле, не следует забывать, что *формальные* стороны символической школы были для своего времени *революционны*. Что же касается *содержания*, то достаточно сравнить так называемые *манифесты* других символистов с декларациями Брюсова: насколько те метафизичны и идеалистичны, настолько сравнительно позитивны декларации Брюсова. Например, основная мысль „Ключей тайн“ сводится в основном к утверждению различия методов знания художественного и знания научного, утверждению, не потерявшему силы еще и в настоящий момент. Но уже в начале 2-го десятилетия XX века, Брюсов—метр и глава символической школы—отходит от приемов символизма и сближается с футуризмом. Внимательно приглядываясь к явлениям современного стиха, Брюсов с большим сочувствием относится к его техническим достижениям, теоретически осмысляет их и сам ими пользуется. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть сборники „Последние мечты (1919 г.)“, „В такие дни“ (1921 г.), „Миг“ (1922 г.), „Даль“ (1922 г.). *Идеологически* эти сборники характеризуются все увеличивающимся количеством стихотворений, реагирующих на современность. И, наконец, в годовом литературном обзоре, помещенном в „Печати и революции“ за 1923 г., Брюсов имеет мужество заявить, что символическая школа умерла.

Неразрывно со сказанным связана и практическая деятель-

ность В. Я. Брюсова. О. Шпенглер, упрекающий в „Закате Европы“ современных мыслителей и художников за оторванность их от современной практической деятельности, не мог бы поставить этого упрека В. Я. Брюсову. Кроме научной и педагогической деятельности, осуществляемой Брюсовым в качестве профессора В. Л.-Х. И., 1-го М. Г. У. и члена Академии Художественных Наук, В. Я. Брюсов является одновременно—ректором В. Л.-Х. И., Членом Моссовета, членом Государственного Ученого Совета и Заведующим отделом художественного образования Главпрофобра.

Но, может быть, самое ценное для нас в деятельности В. Я. Брюсова, отмеченной также печатью современности, это стремление его рационализировать культуру художественного слова и тем содействовать ее широкому распространению. „Мое святое ремесло“—стих Каролины Павловой—берет Брюсов эпиграфом к своей статье „Ремесло поэта“ („Опыты“—1918 г.), в которой он утверждает, что поэт так же должен учиться технике своего искусства, как скульптор, художник, композитор и т. д. И вряд ли кто сделал столько для рационализации поэтического искусства, как Брюсов. Теперь его мечта исполнилась: усилиями его создана Консерватория слова—Высший Литературно-Художественный Институт, где сотни представителей пролетариата и крестьянства выковывают могучее орудие художественного слова, чтобы потом бросить его, как взрывчатое вещество, на остатки старого быта. И я рад об'явить Вам, товарищи, что Советское Правительство постановило отметить эту сторону деятельности Брюсова присвоением нашему Институту имени юбиляра. Да здравствует первый ректор Высшего Литературно-Художественного, имени Валерия Брюсова, Института.

А. И. Корчагин.
ПРИВЕТСТВИЕ ОТ СТУДЕНТОВ
В. Л. Х. И.

Валерий Яковлевич прежде всего поражает нас своим исключительным трудолюбием и огромной работоспособностью. Это—первое и, пожалуй, самое важное, чему мы, как студенты созданного им Института, можем и должны у него поучиться. Но это, конечно, не все. Можно всю жизнь отдать разработке вопросов, связанных с той или иной областью человеческой деятельности, можно носить в себе тяжелый груз научной осведомленности и в то же время быть подавленным этим грузом, не суметь в то же время стать в достаточной степени полезным членом общества.

Сами по себе знания, как бы обширны они ни были, еще не являются предметом неоспоримой ценности. Между трудом и интересами отдельного человека и коллектива должны быть протянuty прочные связи; не даром в наше время мы встречаем критическое отношение к чересчур кабинетной работе. Оценивая Валерия Яковлевича и с этой точки зрения, мы должны сказать, что он стоит, безусловно, на одной из самых безупречных позиций. Правда, в этом отношении ему в значительной мере помогает то, что он, как здесь уже говорилось, совмещает в себе необходимые качества ученого и редкие способности историка с огромным талантом писателя, поэта.

Обычный научный или исторический труд не завоевывает такого широкого круга читателей, как художественное произведение. И совершенно понятно, что широким кругам Валерий Брюсов известен, как писатель, как поэт. Но если мы возьмем для примера хотя бы его повести „Алтарь победы“ и „Огненный Ангел“, то даже при самом общем, при самом дилетантском подходе убедимся, что яркому отображению борьбы язычества с христианством в первой и воспроизведению духа средневековья во второй из них предшествовал в высокой степени напряженный исследовательский труд, чрезвычайно кропотливые и упорные изыскания. На ряду с общими художест-

венными достоинствами — яркостью изображения, выдержанностью и стройностью—эти повести содержат в себе массу исторически ценных и интересных подробностей. Ясно, что по существу Валерий Брюсов является здесь не только изумительным мастером слова, но и ученым, и историком. Большая же общедоступность его произведений есть не что иное, как результат метода, творческого отношения к материалу. В Брюсове ученый помогает художнику и художник ученому. Во почему даже и в наше исключительно богатое событиями время эти повести читаются с захватывающим интересом.

Мне поручено приветствовать Валерия Яковлевича от ком'ячейки и профессионально-организованного студенчества, и поэтому основные его заслуги в качестве ректора Института я отмечу с особенно большим удовлетворением.

Хотя самая идея создания Литературно-Художественного ВУЗ'а—идея сочетания науки и искусства—идет нога в ногу с основными тенденциями эпохи, все же в Наркомпросе и в Главпрофобре были товарищи, которые сомневались в целесообразности существования В. Л.-Х. И., и вопрос этот достаточно часто обсуждался на различных авторитетных совещаниях и заседаниях. Совсем не должно быть секретом, что Валерию Яковлевичу неоднократно приходилось отстаивать Институт. И к чести Валерия Яковлевича надо сказать, что отстаивал он его не простыми агитационными словами, а строго продуманными и убедительными доводами.

Если взять внутриинститутскую работу Валерия Яковлевича, то здесь необходимо засвидетельствовать, что к студенческим запросам, к голосу студенческих академических органов он проявлял внимательное и вдумчивое отношение, и в деле организации учебной работы у нас с ним был полный и постоянный контакт.

Пожалуй, нам, в наших современных условиях, трудно оценить это по достоинству. Однако, товарищи, не надо забывать, что Брюсов—один из самых образованных людей современности, в недалеком прошлом глава и вождь целого литературного направления в России, европейское имя, Брюсов,—произведения которого переведены на многие иностранные языки, что этот Брюсов принимает горячее и деятельное участие не только в нашем общем советском строительстве, но безоговорочно и решительно, несмотря ни на какие бойкоты со сто-

роны теперешних эмигрантов, вступил в Российскую Коммунистическую Партию.

В заключение мне хочется указать на пару штрихов, которые характеризуют Валерия Яковлевича, как человека. Помню такой случай. Мы устраивали вечер стихов одного нашего студента-комсомольца. По этому поводу мне пришлось говорить с Валерием Яковлевичем и он, между прочим, сказал: „Очевидно, вечер окончится поздно, вы не забудьте дать 2 трамвайных талона Саше ¹⁾, она живет в Марьиной роше“. Думаю, что не мне одному эта мелочь показалась характерной.

А совсем недавно мне пришлось видеть Валерия Яковлевича не в рабочей, не в институтской, а в простой домашней обстановке. И здесь основное впечатление, которое я вынес от Валерия Яковлевича,—это то, что ему присуще подлинно товарищеское чуткое и внимательное отношение к молодежи. Мы—молодежь, умеем ценить такое отношение к себе, и в день 50-летнего юбилея Валерия Яковлевича мы искренно и горячо его приветствуем.

¹⁾ Саша—уборщица В. Л.-Х. И.

Б. Пастернак.

Стихотворение, присланное
с приветствием.

Валерию Яковлевичу Брюсову.

Я поздравляю Вас, как я отпа
Поздравил бы при той же обстановке.
Жаль, что в Большом Театре под сердца
Не станут стлать, как под ноги цыновки.
Жаль что на свете принято скрести
У входа в жизнь одни подошвы; жалко,
Что прошлое смеется и грустит,
А злоба дня размахивает палкой.
Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
Где Вас, как вещь, со всех сторон покажут
И золото судьбы посеребрят,
И, может, серебрить в ответ обяжут.

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка—улыбаться, мучась?
Что спавшему „гражданскому“ стиху
Вы первый настезь в город дверь открыли,
Что ветер смел с гражданства шелуху
И мы на перья разорвали крылья?
Что Вы дисциплинировали взмах
Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной,
И были домовым у нас в домах
И дьяволом недетской дисциплины?
Что я затем, быть может, не умру,
Что до смерти теперь устав от гили
Вы сами, было время, поутру
Линейкой нас не умирать учили?

Ломиться в двери пошлых аксиом,
Где лгут слова и красноречье храмлет..
О! весь Шекспир быть может только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет.

Так запросто же! Дни рожденья есть.
Скажи мне тень, что ты к нему желала-б.
Так легче жить. А то почти не снести
Пережитого слышащихся жалоб.

И. А. Аксенов.

Стихотворение, прочитанное в Большом Академическом Театре.

Валерию Брюсову.

Пятьдесят лет. У Скинии Завета
Гремели трубы и Первосвященник
Благословлял собравших лет избыток
На радость и на отдых годовой.

Нет отдыха поэту!

Есть избыток:

Он собран жизнью полной стройных песен
О счастье, о тоске, о строгой страсти,
О городе, о мире, о восстаньи,
О правой мести, о былых веках,
О будущем великом совершеньи
Но это нам, а новый труд—поэту.
Еще дрожал пальбою этот город,
Еще дымились баррикады Пресни,
Еще мычали чьи-то поздравленья,
О наступавшем правовом порядке,
Когда Валерий Брюсов крикнул: „Нет!“

„Нет мне не надо травоядной жвачки,
„Я не войду в парламентский загон,
„Я срам пред ликом будущих веков
„Другим предоставляю. Дети молний,
„Кующие восстанье! Дети дня
„Искусственного, под крепленьем шахт—
„Разбейте эту жизнь и, с ней, меня!“

То было восемнадцать лет назад.
Поэт, Вы помните „довольных малым?“
Их небывалый смерч отбросил в смерть,
Не видно даже пыли их паденья,
А Вы?
Напрасно-ль в шахтах нашей речи
Вы вырубали пламенной киркою

Базальты слов и образов трахиты?
Напрасно ли Вы каждое страданье,
Каждую радость отливали в формы
Закрытые в придавленную жизнь?
Напрасно ли Вы ели хлеб насмешки,
Напрасно ли Вы пили желчь вражды,
Замешенную в уксусе клевет
И впитанную губкой лицемерья?

Но я скажу:

Республики Труда
Вам отвечают. Многих вод паденье—
Их голос. Эти лампы слабый призрак
Тех глаз, который хотят увидеть
Сегодня Ваше торжество и праздник
Неуклонимой, бешеной работы.
И голос мой теряется среди
Приветствий, кем взволнованный далеко,
Воздух Страны Всемирного Восстанья
Сегодня полон.

Эта Вам награда
Желанней Вечности, которой Вам не надо.

Владимир Кириллов.

Стихотворение, прочитанное в Рос-
сийской Академии Художественных
Наук.

В те дни.

Валерию Брюсову.

В те дни я отдан был снегам,
Был север строг, был сумрак долог,
Казалось, никогда ветрам
Не распахнуть свинцовый полог.

Мой темный, низкий потолок,
Иная жизнь здесь только снится...
Но вот, на золотой песок
Выходит гордая царица.

Царица—жаркая мечта,
Я бедный раб, нубиец черный,
Мне не обрести ее уста,
И не расторгнуть плен позорный...

И только в звонком полусне—
Благоуханные баллады...
Но вот, иная даль в огне
И гнев вздымает баррикады.

И каменщик, подняв кирпич
Над стройкой тягостной, острожной,
Задумался, услышав клич
Свободы близкой и возможной...

Любовно закрывая там,
Уж ночь, а не могу уснуть я:
За далью—даль, чудесным сном
Встают „пути и перепутья“.

А. Гербстман.

Стихотворение, прочитанное в В.Л.Х.И.

Валерию Брюсову
сонет-чаша к 50-тилетию.

Втиши больших Веков ствол мира обвивая,
ИрАтные год А включив в свой зычный круг,
РосЛо, печАль ный сон преображая в звук,
ТвоЕ е д и н о Е начало—песнь живая.

Так Р а з н о пРолегла в былое—к свае свая:
СтиХИ, за нИми драм, романов ход упруг,
И ГамаЮн, Ютясь в ветвях их, стонет вдруг
АвтомобИлями и визгами трамвая.

Пусть вРемя трудное поэзии грозит
И песен Юных свет отравой мистик вздымлен—
ПятидеСяти лет Ты нам даешь свой щит,

Что от бОев хранил еще могучих римлян.
И в этот Властный день, в Твой жданный юбилей
Я чашУ пью, Учась у мудрости Твоей.

Борис Троицкий.

Стихотворение, прочитанное в Большом Академическом Театре.

Валерию Яковлевичу Брюсову.

«И, поклонникам кинув легенды да книги,
Оживленный, быть может, как дракон на звезде,
Что буду я, этот?—не бездонное ль nihil,
Если память померкла на земной борозде.»

В. Брюсов, кн. „Далл“ стих. „Nihil“.

И в пятьдесят исканья—трап от прошлого
Через сегодня, брошенный на брег
Веков иных, манящих так же просто,
Как прост времен неустойчивый бег.
Истраченное в прошлом—только память
Страниц желтеющих грядущим сохранит..
Сегодня,—Новое—к рулю!—И верно правит
Иным путем. Иначе жизнь гранит!

Быть может все, основанное новью
Единственных, незабываемых побед,
Как юность звонкая магнитною любовью,
Пропело нам в сегодняшней борьбе!
Тебе, корабль мысли снявший с nihil,
Науки рулевой, приявший новый миг,
Мой стих, где каждой строчкой никну,
Перед грядущим, вставшим напрямик!

И в пятьдесят исканья—трап от прошлого
Через сегодня, брошенный на брег
Веков иных, манящих так же просто,
Как прост времен неустойчивый бег!

Валерий Брюсов.

Стихотворение, прочитанное в Большом Академическом Театре.

У К р е м л я.

По снегу тень—зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, орел крылом.
Но город-миф—мой мир домашний,
Мой кров, когда вне—бурелом.

С асфальтов Шпре, с понтийских топей,
С камней, где доккер к Темзе пал,
Из чаш чудес—земных утопий,—
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамии,
Где солнце жжет людей, дремля,—
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Там—ждут, те—в гневе, трепет—с теми;
Гул над землей метет молва,
И—зов над стоном, светоч в темень,—
С земли до звезд встает Москва.

А я, гость дней, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах—моя.

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде, я—абориген,
И я храним, звук в чем-то гимне,
Москва, в дыму твоих легенд!

Валерий Брюсов.

Стихотворение, прочитанное в Большом Академическом Театре.

В а р и а ц и я

на тему „Медного Всадника“.

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Дождь мелкий моросил. Туман
Все облакал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.

Там, у ограды преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. ¹⁾ Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин,
Надежд, падений и годин:
Вот—вечер, тот же город спящий;
Здесь двое ²⁾ под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться.
Встает в грядущем день, когда
Народы мира—навсегда

¹⁾ Пушкин.

²⁾ Пушкин и Мицкевич.

В одну семью соединятся. ³⁾
Но годы шли. Другой не тут,
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый ⁴⁾
Под грозный зов его ⁵⁾ стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи ⁶⁾
Легли под взрывами картечи?
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма ⁷⁾ плачет с Иргыша?
А тот же, пристально-суровый,
Гигант, взнесенный на скале.
Ужасен ты ⁸⁾ в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею—коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук ⁹⁾ мог топтать в веках.

Он поднял взор. Его чело
К решетке холодной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился черный,
Зубцами молний искривлен.
„Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе“. — Так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышит топот роковой.
Уже пуста была ограда,
Уже скакал по камням града,

3) См. стихи Пушкина к Мицкевичу.

4) Польское восстание 1831 г.

5) Мицкевич.

6) Декабристы.

7) В. Кюхельбекер.

8) Петр I.

9) Николай I. Ср. надпись „Прадеду—правнук“.

Над шумно плещущей Невой,
С рукой простертой Всадник Медный...
Куда он мчал слепой порыв!
И, исполину путь закрыв,
С лучем рассвета, бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

ПЕРЕЧЕНЬ
АДРЕСОВ И ПРИВЕТСТВИЙ.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Грамота В. Ц. И. К. р. с. ф. с. р. В. Я. Брюсову,
данная в день юбилея 17/хп 1923 г.

В. Ц. И. К.

Валерию Брюсову.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в день 50-тилетнею юбилея Валерия Яковлевича БРЮСОВА отмечает перед всей страной его выдающиеся заслуги.

Даровитый поэт, многосторонний ученый—он внес ценный вклад в культуру своей родины.

Еще задолго до революции в ряде стихотворений он выражал нетерпеливое ожидание освободительного переворота, приветствовал грядущую революцию, заранее выражая горячую симпатию ее последователям—борцам и клеймя презрением людей половинчатых и нерешительных.

После Октябрьской революции он немедленно и твердо вступил в ряды ее работников, а с 1919 года в ряды Российской Коммунистической Партии. Он воспел с присущим ему талантом этот величайший в мировой истории переворот.

Последние шесть лет он неизменно работает на ниве коммунистического народного просвещения и является создателем и руководителем Института Литературы, привлекишего к себе многие десятки пролетарских и крестьянских молодых талантов, учащихся у него мастерству слова.

За все эти заслуги Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в день 50-тилетнею юбилея выражает Валерию Яковлевичу БРЮСОВУ благодарность Рабоче-Крестьянского Правительства.

(Подписи):

Москва, Кремль.
17-го декабря 1923 года.

ДОРОГОЙ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ!

К сожалению, болезнь не позволяет мне принять личное участие в торжестве по случаю Вашего юбилея.

Когда-то я сражался с Вами.

Вы были, или казались мне, воплощением индивидуализма, личностью, противопоставляющей себя всякой организованной общественности.

Теперь Вы—прекрасное выражение сочетания яркой творческой личности и идей общественности.

Ничего не утратив из своего поэтического вдохновения, Вы стали членом партии, воплощающей идею железной дисциплины.

Вы следовали в этом тому пути, который указан величайшими гениями XIX века.

Байрон, гордо взиравший на мир, ушел умирать за свободу Греции.

Романист Диккенс стал издавать политическую газету.

Романтик Гейне писал «Французские дела».

Толстой отрекся от Анны Карениной и создал свое «Не могу молчать».

Короленко забыл свои художественные творения и написал «Бытовое явление».

Как Данте, Вы с гордостью можете войти шестым в «сонм мудрости такой».

И Ваш путь, путь от «Русских Символистов» до Государственного Ученого Совета и Главпрофобра—это их путь, это—«великое отречение», стоящее последовательности.

История оценит Ваши неоценимые заслуги перед русской поэзией.

Но в этот день в Вашем лице передо мною встает прежде всего образ поэта, уловившего биение пульса своей эпохи.

Если древние поэты бросили меч для лиры, то наше время чтит особенно высоко поэтов, бросающих лиру для меча.

Всякий, кто следил за Вашей мыслью, легко поймет, чего стоило Вам это героическое сжатие Вашей души, этот переход от «вечности» к «скорбной драме нашего временного бытия».

Зато—тем выше Ваши подвиги. Тем ярче будет светить он векам, но не в минуты досуга и веселья, а в дни труда и борьбы.

Примите мой горячий привет, привет от человека, который имеет радость работать рядом с Вами в ряде учреждений и видеть в лице Вашем поэта за работой, тот тип писателя, который всегда рисовался мне высшим выражением его назначения.

Слава писателям - борцам, писателям - труженикам и БРЮСОВУ—их прекрасному воплощению.

П. С. Колян.

Адреса, приветствия, телеграммы, доставленные Юбилейному Комитету по чествованию В. Я. Брюсова.

1. МОСКВА и ЛЕНИНГРАД.

А. Гос. Учреждения.

В. Ц. И. К. Грамота.

Российская Академия Наук. (Ленинград).

Российская Академия Художественных Наук.

Народный Комиссариат Просвещения.

Главпрофобр Н. К. П.

Охобр (Отдел Художественного Образования) Главпрофобра.

Гл. Упр. Научных Учреждений Ак. Центра Н. К. П.

Научно-Художественная Секция Г. У. С. (Гос. Ученого Сов.).

Московский Отдел Народного Образования.

Ц. К. Всерабиса.

Петроградский Институт Книги. (На латинском языке
Ленинград).

Российский Институт Истории Искусств. (Ленинград).

Дом Ученых.

Б. Учебные заведения.

1-ый Московский Госуд. Университет.

Студенты Ф. О. Н. 1-го М. Г. У. (с поднесением зачетной книжки „почетного студента“).

Коллегия Научно-Исследовательского Института Ф. О. Н. 1-го М. Г. У.

2-ый Московский Гос. Университет.

Пед. Фак. 2-го М. Т. У. „Красный Педфак“.

Петроградский Гос. Университет. (Ленинград).

Коммунистический Университет Нац. Меньшинств Запада.

Высший Литературно-Художественный Институт имени

В. Я. Брюсова.

Московская Гос. Консерватория.
Гос. Институт Театрального Искусства. (Гитис).
Гос. Экспериментальные Театральные Мастерские Вс. Э.
Мейерхольда.
Педагогический Институт им. Карла Либкнехта.
1-ый Гос. Музыкальный Техникум.
Гостехникум Кино.
Студенчество Моск. Ветеринарного Института.
Моск. Хореографический Техникум МОНО и Гос.
молодой балет.
Гос. Театральная Студия им. Ф. И. Шаляпина.
Моск. Институт Декламации.
Школа работников молодежи им. Русакова Моск. Профобра.

В. Общества.

О-во Любителей Российской Словесности. (С поднесением
звания почетного члена).
Всероссийский Союз Писателей.
Петроградское Отд. Союза Писателей. (Ленинград).
Всероссийский Союз Крестьянских Писателей.
Всероссийский Союз Поэтов.
Секция Неоклассиков при В. С. П.
Московский Цех Поэтов.
Московское Архитектурное О-во.
Общество Драматических Писателей и Музыкальных
Композиторов.
Союз драматических и музыкальных писателей.
Московская ассоциация драматургов.
О-во им. А. Н. Островского.
Литературное О-во „Никитинские субботники“.
Содружество поэтов „Антиной“.
Кружок друзей искусства и культуры.
Литературный Особняк.
Поэты-конструктивисты.
Русское О-во по изучению Крыма.
Кино-Москва.
Об'единение молодых Кино-Работников.

Г. Издательства и журналы. Музеи.

Государственное Издательство.

Издательство „Красная Новь“.
Редакция журнала „Красная Новь“.
Редакция журнала „Печать и Революция“.
Редакция журнала „Жизнь Искусств“.
Издательство „Всемирная Литература“. (Ленинград).
Издательство М. и С. Сабашниковых.
Российский Исторический музей.
Моск. Гос. Музей им. А. П. Чехова.

Д. Театры.

Моск. Гос. Ак. Большой театр.
Моск. Гос. Ак. Малый театр.
Б. Александринский театр. (Ленинград).
Моск. Художественный Ак. театр.
Моск. Камерный театр. (С поднесением макеты „Федры“.)
Моск. Театр Комедии (б. Корша).
Свободная Опера Зимина.

2. Р. С. Ф. С. Р.

Саратовский Гос. Университет им. Чернышевского.
Саратовская Гос. Консерватория.
Саратовский Худ. Техникум.
Пермский Университет.
Костромской Губ. Отдел Нар. Образ.
Ярославский Гос. Театральный Техникум.
Кружок друзей Уфимского Художественного Музея.
Иваново-Вознесенская группа поэтов.
Смоленская артель художников слова „Арена“.
Симбирский лит. кружок „Молодняк“.
Студия свободного творчества „Сад Солдружества“.
(Кашира на Оке).

3. С. С. С. Р. и ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Наркомпрос Украины.
Наркомпрос Азербайджана.
Наркомпрос Абхазии.
Наркомпрос Армении.
Комитет помощи Армении.
Полномочное Представительство Белорусской С. С. Р.

Институт Белорусской Культуры. (С избранием в почетные члены).

Бакинский Университет. (Баку).

Киевский Институт Нар. Образ. (Киев).

Киевское Историко-Литературное О-во. (Киев).

Народные поэты (ашуги) Армении. (С поднесением почетной каманчи).

Общество друзей театральной литературы. (Казань).

Союз русских писателей в Грузии. (Тифлис).

Лит. Отдел газеты „Красная Армия“ Политуправления Украинского Военного Округа. (Киев).

Лит. Отдел газ. „Молодой Пролетарий“ из-ва „Молодой Работник“. (Киев).

Мастерская Худ. Слова „Майна“ при Киевском Доме Печати. (Киев).

Азербайджанский Б. Оперный театр. (Баку).

Берлинское О-во деятелей литературы русской и иностранной. (Берлин).

Члены Тегеранского Клуба граждан С. С. С. Р. (Тегеран).

4. ПЕРСОНАЛЬНЫЕ.

А) Р. С. Ф. С. Р.

П. С. Коган. Президент Ак. Худ. Наук.

В. М. Фриче. Председ. Н. И. И-та Ф. О. Н. 1-го М. Т. У.

Ф. Чучин. Уполномоченный по филателии.

Леонид Собинов. Нар. артист.

Борис Пастернак. Поэт. (С приложением стихов).

М. Гнесин. Зав. 2-м Моск. Муз. Техникумом.

К. Чуковский. Критик.

Н. Дератани. Член Н. И. И. 1-го М. Т. У.

И. Аксенов. Поэт, председатель Вс. Союза Поэтов.

И. Белоусов, поэт; Вад. Шершеневич, поэт; И. Шиманский, драматург; Олег Леонидов, поэт; Вл. Гилеровский,

поэт; Максимилиан Шик, немецкий поэт; М. Гальперин,

поэт; Андрей Гелицкий, поэт (Кашира); Б. Зубакин, проф.;

А. Гербстман, поэт; И. Тришин, поэт; В. Карякин, проф.;

М. Сучанов, И. Баев, А. Ульяновский-Блюменау, и др.

Б) С. С. С. Р. и из-за границы.

Белорусские поэты: Я. Купала, Колас, Паруний, Бядуля, Чарот, Порецкий, Грамика. (Белорусская Р-ка).

Ен. Гарегин. (Армения).

От русских женщин из Неаполя. (Италия).

Александр Каун. (Барклей, Калифорния. С. Ш. А.)

Тардовы. (Испагань. Персия).

М. Ликиардопуло. (Лондон).

П. Тычин. Поэт. (Харьков); Вл. Петровский (Украина).

Анат. Волкович, поэт (Киев), и др.

Ред. извиняется за возможную неполноту списка, так как некоторые адреса могли быть утрачены. Приветствия, напечатанные в газетах и журналах, но не доставленные отдельно Юб. Комитету, в список не включены.

СОСТАВ
юбилейного Комитета по чествованию
В. Я. Брюсова.

Почетный Председатель:

А. В. Луначарский.

Председатель:

П. С. Коган.

Члены Комитета:

Адонц Гайц.	Белый Андрей.
Аксенов И. А.	Волгин В. П.
Асеев Н. Н.	
Баскакова С. М.	Пиксанов Н. К.
Волконский Н. О.	Покровский М. Н.
Гольденвейзер А. Б.	Пильняк Борис.
Григорьев М. С.	Переверзев В. Ф.
Гершензон М. О.	Поляков С. А.
Деев-Хомяковский Г. Д.	Рачинский Г. А.
Есенин Сергей.	Росский А. М.
Енукидзе А. С.	Сабанеев Л. Л.
Истомин Я. А.	Сакулин П. Н.
Каменева О. Д.	Славинский Ю. М.
Каменев Л. Б.	Скороходов М. Я.
Кауричев Н. С.	Таиров А. Я.
Кондратьев А. И.	Фриче В. М.
Казин Василий.	Филиппов В. А.
Кончаловский П. П.	Шмидт О. Ю.
Коган П. С.	Шипулинский Ф. П.
Лазаревский И. И.	Хозова М. И.
Малышев А. Е.	Хатаевич Р. М.
Мейерхольд В. Э.	Штеренберг Д. П.
Мещеряков Н. Л.	Эфрос А. М.
Немирович-Данченко В. И.	Южин А. И.
Нарбут (П. К. Р. К. П.)	Яковлева В. Н.
Ольденбург С. Ф.	Якулов Г. Б.
Петров Ф. Н.	Яворский Б. Л.

СПИСОК КНИГ
В. Я. БРЮСОВА.

1894 г.

Валерий Брюсов и А. Л. Мировольский. Русские символисты. М.

1. Поль Верлен. Романсы без слов. Перевод. М.

1895 г.

2. Chefs d' Œuvre. Сборник стихотворений. М.

1896 г.

3. Chefs d' Œuvre. Второе издание. М.

1897 г.

4. Me eum esse. Новая книга стихов. М.

1899 г.

5. Об искусстве. М.

1900 г.

6. Tertia Vigilia. Книга новых стихов. К-во „Скорпион“. М.

1903.

7. Письма Пушкина и к Пушкину. К-во „Скорпион“. М.

8. Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 г. К-во „Скорпион“ М.

1904 г.

9. М. Мэтерлинк. Избиение младенцев. Перевод. К-во „Скорпион“ М.

1906 г.

10. Stephanos. Венок. Стихи 1903—1905 г. К-во „Скорпион“. М.
11. Э. Верхарн. Стихи о современности. Перевод. К-во „Скорпион“. М.
— А. К. Толстой. Биографический очерк. Изд. И. Кнебея. М.

1907 г.

12. Земная Ось. Рассказы и драматические сцены. К-во „Скорпион“. М.
13. Лицейские стихи Пушкина. К критике текста. К-во „Скорпион“. М.
14. М. Мэтерлинк. Пеллеас и Мелизанда. Стихи. Перевод. К-во „Скорпион“. М.
— Вилье де Лиль Адан. Жестокие рассказы. Перевод под редакцией Валерия Брюсова. К-во „Пантеон“. Спб.

1908 г.

15. Пути и Перепутья. Собрание стихов. Т. I. К-во „Скорпион“. М.
16. То же. Т. II. К-во „Скорпион“. М.
17. Огненный Ангел. Повесть XVI в. Часть I. К-во „Скорпион“. М.
18. Г. д'Аннунцио. Франческа да Римини. Перевод. К-во „Пантеон“. Спб.
— Вилье де Лиль Адан. Жестокие рассказы. 2-е изд. К-во „Польза“. М.

1909 г.

19. Огненный Ангел. Часть II. К-во „Скорпион“. М.
20. Французские лирики XIX века. Переводы. К-во „Пантеон“. Спб.
21. Испепеленный. К характеристике Гоголя. К-во „Скорпион“. М.
22. Огненный Ангел. Изд. 2-ое. К-во „Скорпион“. М.
23. Э. Верхарн. Елена Спартанская. Перевод. К-во „Скорпион“. М.
24. Пути и Перепутья. Т. III. К-во „Скорпион“. М.

1910 г.

25. Испепеленный. Изд. 2-ое. К-во „Скорпион“ М.
26. Земная Ось. Изд. 2-е. К-во „Скорпион“ М.

1911 г.

27. Поль Верлен. Собрание стихов. Перевод. К-во „Скорпион“. М.
— Жозеф Оркье. Агриппа Неттесгеймский. Перевод под редакцией и с предисловием Валерия Брюсова. К-во „Мусалет“. М.
28. Путник. Психодрама. М.
29. Великий Ритор. Биография и переводы Авсония. Изд. „Русская Мысль“. М.
30. Дальние и близкие. Статьи. К-во „Скорпион“. М.
31. Г. д'Аннунцио. Франческа да Римини. 2-ое изд. Изд. „Шип-вник“. Спб.
32. Оскар Уайльд. Герцогиня Падуанская. Перевод. К-во „Польза“. М.

1912 г.

33. Зеркало Теней. Стихи 1909—1912 г. К-во „Скорпион“. М.
34. За моим окном. Статьи. К-во „Скорпион“. М.

1913 г.

35. Ночи и дни. Вторая книга рассказов. К-во „Скорпион“. М.
36. Полное собрание сочинений. Т. I. *Juvenilia Chefs d'œuvre*, изд. 4-ое; *Me eum esse*, изд. 3-е. К-во „Сирин“. Пб.
37—38. То же. Т. XII и XIII. Алтарь победы. Повесть IV в. К-во „Сирин“. Пб.
39. То же. Т. XXI. Французские лирики XIX в. Изд. 2-ое. К-во „Сирин“. Пб.

1914 г.

40. То же. Т. II. *Tertia Vigilia*. Изд. 3-е. К-во „Сирин“. Пб.
41. То же. Т. III. *Urbi et Orbi*. Изд. 3-е. К-во „Сирин“. Пб.

42. То же. Т. IV. Stephanos. Изд. 3-е. Все Напевы. Изд. 2-е. К-во „Сирни“. Пб.

43. В зеркале. Рассказ. К-во „Освобождение“. Пб.
— Эркман Шатриен. Рейнские рассказы. Перевод под редакцией Валерия Брюсова. К-во „Польза“. М.

1915 г.

44. Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. Перевод. К-во „Польза“. М.

45. Э. Верхарн. Собрание стихов. Переводы. Изд. 2-е. К-во „Польза“. М.

46. Избранные стихи. К-во „Польза“. М.

47. Обручение Даши. Повесть. К-во „Польза“. М.
— Каролина Павлова. Собрание сочинений. 2 тома. Редакция В. Брюсова. К-во К. Некрасова. М.

1916 г.

48. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1916 г. Изд. К. Некрасова. М.

49. Избранные стихи. 2-ое изд. К-во „Польза“. М.

50. Верхарн. Собрание стихов. Изд. 3-е. К-во „Польза“. М.
— Поэзия Армении. Переводы. Изд. М. Армянского Комитета. М.

51. Рея Сильвия. Эзули—сын Эзули. Рассказы. К-во „Польза“. М.

1917 г.

52. Erotoraegnia. Стихи лат. поэтов в перев. размерами подлинника, texte en regard. К-во „Альциона“. М.

53. Летопись исторических судеб армянского народа. К-изд. М. Армянского Комитета. М.

54. Гаврилада Пушкина. Текст, предисловие, примечания. К-во „Альциона“. М.

55. То же. Изд. 2-ое. К-во „Альциона“. М.

1918 г.

56. Опыты. Стихи. К-во „Геликон“. М.

57. Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. 2-е изд. Гос. Издат. М.

1919 г.

58. Наука о стихе. I. Метрика и ритмика. К-во „Альциона“. М.

Пушкин. Разные стихотворения.—Баллады и поэмы.—
Стихи о свободе.—Песни о разных странах.—Песни разных
народов. Гос. Издат. М. (5 брошюр).

1920 г.

59. Последние мечты. Стихи. К-во „Творчество“, М.
Пушкин. Полное собрание сочинений. Редакция
Валерия Брюсова. Т. I. Гос. Издат. М.

1921 г.

60. В такие дни. Стихи 1919—1921 г. Гос. Издат. М.
61. Миг. Стихи. Изд. З. И. Тржебина. М.-Берл.

1922 г.

62. Ромэн Роллан. Лиллюли. Перевод. Гос. Изд. М.
63. Дали. Стихи. Гос. Издат. М.
64. Кругозор. Избранные стихи. Гос. Издат. М.

1923 г.

65. Э. Верхарн. Поэмы. Изд. 4-е. „Всемирная литера-
тура“. Пл.

1924 г.

66. Эдгар По. Стихи. Перевод. „Всемирная Литература“. Лд.
67. Основы стиховедения. I. Метрика и ритмика.
Изд. 2-ое. Гос. Издат. М.
68. Меа. Стихи 1921—1924 г. Гос. Издат. М.
69—71. Собрание стихов. Три тома. Гос. Издат.
(Печатается).

— Пушкин. Полное собрание сочинений. Редакция
Валерия Брюсова. 10 томов. (Готовятся).

БОЛЕЕ КРУПНЫЕ СТАТЬИ,

напечатанные в журналах и сборниках 1920—1924 г.

Пролетарская поэзия. „Художественное Слово“, 1920 г.

Смысл современной поэзии. Там же., 1921 г.

Вчера, сегодня и завтра современной поэзии (1917—1922 г.)

„Печать и Революция“, 1922 г.

Пушкин и крепостное право. Там же., 1922 г.

Пушкин и Академия Наук. Там же., 1922 г.

Звукопись Пушкина. Там же, 1923 г.
Суд акмеиста. Там же, 1923 г.
Обзоры пушкинской литературы. Там же, 1923 и 1924 г.
Среди стихов. Обзоры современной поэзии. Там же,
1922, 1923 и 1924 г.г.
Верхарн на прокрустовом ложе. Критик новых переводов
Э. Верхарн. Там же, 1923 г.
О рифме. Там же, 1924 г.
Левизна рифм у Пушкина. Там же, 1924 г.
Пушкин-мастер. „Пушкинский Сборник“. О. Л. Р. С. М.
1924 г.
Синтетика поэзии. Сборник „Проблемы поэтики“ Изд.
Земля и Фабрика, М. 1924 г.

Более мелкие статьи и рецензии в журналах:

„Художественное Слово“, „Печать и Революция“, „Жизнь
искусств“, „Журналист“, „Красная Нива“ и др.
Стихи в журналах и газетах: „Красная Новь“ (1923 г.),
„Известия“ (1922 и 1924 г.), „Художественное Слово“
(1920—1921 г.), „Понедельник“ (1923 г.), „В. И. Ленин“
(1924 г.), „Красный Воин“ (1922 г.), „Современник“
(1922 г.), „Жизнь“ (1923 г.), „Россия“ (1924 г.), „Запад“
(1923 г.), „Город и деревня“ (1923 г.). Сборники В. С. П.
Сборники „Россьен“ и мн. др.

КУРСЫ ЛЕКЦИЙ,

читанные в 1921—1924 г.

Энциклопедия стиха. 1 МГУ. 1921/2 г.; В. Л.-Х. И.
1923/4 г.; ГИС. 1921/2 г.
История древне-греческой литературы. 1 МГУ. 1921/2 г.;
В. Л.-Х. И. 1923/4 г.
История римской литературы эпохи республики. В.Л.-Х.И.
1922/3.
История римской литературы эпохи империи. 1 МГУ.
1923/4 г.; В. Л.-Х. И. 1923/4 г.
История новейшей русской литературы. 1 МГУ. 1922/3 г.
и 1923/4 г.
Латинский язык в связи со сравнительным языкознанием.
В. Л.-Х. И. 1923/4 г.
Семинарий по всеобщей истории. В. Л.-Х. И. 1922/3 г.
Класс стиха. В. Л.-Х. И. 1922/3 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
1. Портрет В. Я. Брюсова	5
2. Скорбный листок	7
3. Предисловие	8
4. Факсимиле В. Я. Брюсова	9
5. Автобиография В. Я. Брюсова	13
6. А. В. Луначарский. Вступительная речь.	19
7. П. Н. Сакулин. Классик символизма.	21
8. М. Я. Цявловский. Брюсов пушкинист.	31
9. Л. П. Гроссман. Брюсов и французские символисты.	38
10. Г. А. Рачинский. Брюсов и В. Л.-Х. II.	45
11. С. В. Шервинский. Брюсов и Рим	51
12. В. Я. Брюсов. Ответная речь.	54
13. М. С. Григорьев. Брюсов и современность.	58
14. А. И. Корчагин. Приветствие от студентов В. Л.-Х. II.	62
15. Пастернак. Стихотворение.	65
16. И. А. Аксенов. Стихотворение	66
17. Кириллов. Стихотворение.	68
18. Гербстман. Сонет—чаша	69
19. Троицкий. Стихотворение—и в пятьдесят исканья	70
20. Брюсов. Стихотворения. У Кремля и Вариация на тему „Медного всадника“	71
21. Грамота ВЦИК'а	77
22. П. С. Коган. Письмо	78
23. Перечень адресов и приветствий	80
24. Библиография.	86

